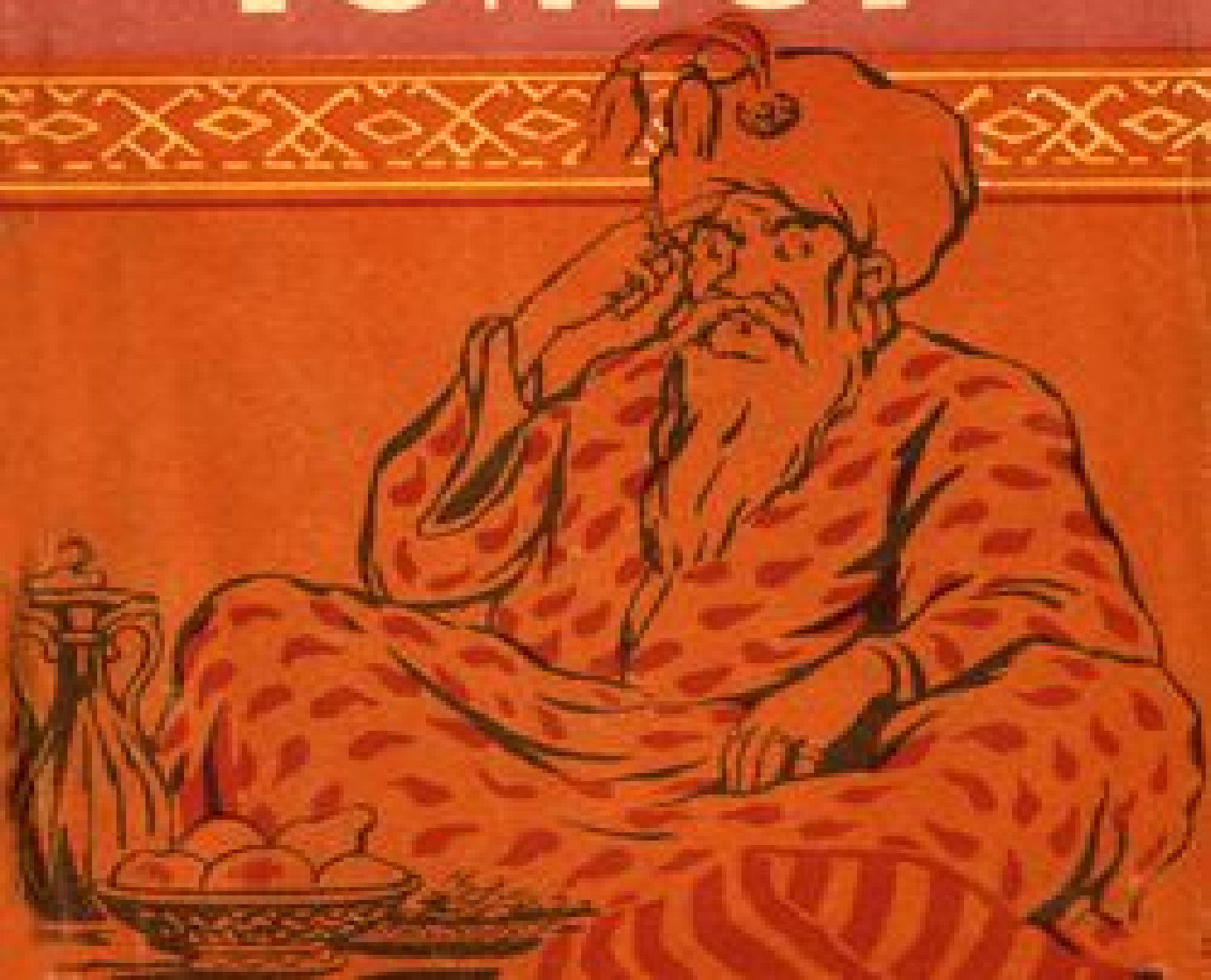

Туркменский

ЮМОР

Annotation

В сборнике «Туркменский юмор» читатели найдут занимательные рассказы и острые анекдоты о народных любимцах: туркменском поэте-сатирике XIX в. Кемине – страстном обличителе феодальной и клерикальной знати – и великом узбекском гуманисте XV в. Алишере Навои (Мирали); вместе с ловким обманщиком Алдаркосе и забавным весельчаком Эсенполатом посмеются над посрамленными ханами и баями, муллами и ишанами; познакомятся с любопытными новеллистическими сказками (эртеки).

Сборник познакомит читателей с жизнью и бытом туркменского народа в прошлом, с его мечтами и чаяниями, стремлениями и надеждами.

-
- [Эпосы, легенды и сказания](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Кемине](#)
 - [Кемине и пир\[1\]](#)
 - [Кемине и окружающие](#)
 - [Мирали](#)
 - [Прости, друг](#)
 - [До смерти падишаха](#)
 - [И от меня столько же](#)
 - [Куда ты их тратишь?](#)
 - [Не стоит пачкать руки](#)
 - [Почему смеялся конь](#)
 - [Кто глупец?](#)
 - [Разве мы не люди?](#)
 - [Короткое одеяло](#)
 - [Советчик](#)
 - [Когда живется лучше](#)
 - [Алдаркосе](#)

- [Алдаркосу и сорок купцов](#)
 - [Алдаркосу и ростовщик](#)
 - [Алдаркосу, ростовщик и сорок разбойников](#)
 - [Алдаркосу и Кази](#)
 - [Вещая птица](#)
 - [Ёлбарс](#)
 - [Выгодная сделка](#)
 - [Первый раз в жизни](#)
 - [Алдаркосу, купцы и падишах](#)
 - [Посев верблюдов](#)
 - [Пожалуй, не сумею](#)
 - [Алдаркосу и дочь падишаха](#)
 - [Алдаркосу, лиса и дэвы](#)
 - [Алдаркосу и шайтан](#)
 - [Эсенполат](#)
 - [Всего пугаюсь](#)
 - [Пусть сами едят](#)
 - [Всю ночь маялся](#)
 - [Кто даст на подкладку](#)
 - [Ребёнок был голоден](#)
 - [Зачем нож?](#)
 - [Скупой кувшин](#)
 - [Я думал, кто-то умер](#)
 - [Эртеки](#)
 - [Батрак](#)
 - [Умная гелин](#)
 - [Разве кончилась мука?](#)
 - [Умнее визирей](#)
 - [Девяносто торб](#)
 - [Сорок небылиц](#)
 - [Как бедняк ходил за черкезом](#)
 - [Словарь](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Эпосы, легенды и сказания Туркменский юмор

Предисловие

Богато и многообразно устное творчество туркменского народа. Сказания и предания, легенды и дестаны, песни и причитания, пословицы и загадки – вот далеко неполный перечень его видов и жанров. Юмор и сатира занимают в нем особое место: их по праву называют жемчужинами народной мудрости.

Туркменский фольклор начал складываться в незапамятные времена. В течение столетий он дополнялся, менялся, запечатлевая исторический опыт трудовых масс, их упорную, хотя и не всегда успешную, борьбу против «злых сил» природы и человеческого общества за свободу, счастье и светлое будущее.

Любовь к труду, высокие моральные качества – добро, справедливость, честь – получили художественное воплощение так же в сатирических и юмористических произведениях. Но главное их содержание составляет обличение человеческих слабостей; недостатков и пороков представителей господствующих классов – шахов и ханов, купцов и баев, мулл и ишанов.

Фольклор создавался разными слоями населения и в различные исторические эпохи. Поэтому вполне естественно, что отражает он культурно-бытовой уровень, взгляды, мировоззрение его создателей; соответствует тогдашнему укладу жизни и быта. Однако, несмотря на то, что мы живем в совершенно новой общественно-экономической формации – при социализме – основная часть народной сатиры и юмора не потеряла своей актуальности. Она близка и созвучна морально-этическим требованиям наших дней. В этом её непреходящая художественная ценность.

Юмор и сатира – неперенные атрибуты всех жанров как устного народного творчества, так и письменной литературы. Кроме самостоятельных, хотя и сравнительно небольших форм туркменского фольклора в виде так называемых «ёмак» (дразнилок), «шорта соз» (анекдотов), «яцылтмач» (скороговорок), они присутствуют также в пословицах и поговорках.

Вот ярко выраженные образцы сатиры и юмора на социальные темы: «Байский дар – божий удар», «Богач ищет выгоду, неимущий – отчизну», «Безумец любит безумца, мулла – мертвеца», «Делай, что мулла говорит, не делай, что он сам творит» и тому подобное. Лень, глупость, хвастовство, эгоизм, ложь, злость, присущие отдельным людям, также предмет этих жанров: «Без молока – не мекай», «Быку-лежебоке – корма нет», «Гибель коня – пир собаке», «Глупый гость хозяина угощает», «Глупый поймет, когда устанет», «Гневаешься – придержи язык», «До начала дела лентяй – краснобай», «Каждая лиса свой хвост хвалит».

Весёлым юмором дышат такие пословицы: «В доме, где детишки – бывают и воришки», «Ворона ласково называет своих детенышей беленькими, а ёж – мягонькими», «Гость в первый день – золото, во второй – серебро, в третий – медь, в четвёртый – наглец», «Для бедняка и плов еда» и т. п.

Примерно в XVI–XVIII вв. широкое распространение среди туркмен получили любовно-романтические сказания, или сборники песен, объединённых общим сюжетом, в котором переплетены самым тесным образом элементы фантастики, метко схваченные наблюдения над реальной действительностью, а также лирико-психологические мотивы и назидания. Этот жанр, получивший название дестана, также не мыслится без сатиры и юмора.

В народных дестанах «Шасенем и Гариб», «Саят и Хемра», «Хурлукга и Хемра», наряду с причудливой

романтикой и трогательной лирикой, присутствуют сцены, изобличающие продажность и моральную неустойчивость мулл, ишанов, пиров, казиев и других представителей ислама; тиранию, вероломство и прочие злодеяния феодально-родовой эксплуататорской верхушки – шахов, ханов, визирей. Характерны в этом отношении образы кази, царевичей-престолонаследников и шаха в дестане «Хурлукга и Хемра». Шах Хисроу показан выжившим из ума, его старшие сыновья Хуршид и Зивер – последними злодеями, каких не видел свет, а мусульманский судья – кази – низким взяточником и гадким сластолюбцем.

Вот эпизод из дестана, едко высмеивающий проделки кази, толкователя и блюстителя шариата.

Повелительница Хур Загфран добивается любви юноши Хемра, влюбленного в прекрасную Хурлукга. Её притязания противозаконны. Зная податливость кази на ласки и золото, она обращается к нему:

Сумей хитро использовать закон.
Кази, позволь мне стать его женой...

.....

Коня отдам я в латах золотых.
Дам лучших шестьдесят рабочих своих.
Дам шестьдесят искуснейших ткачих.
Кази, позволь мне стать его женой.

Кази не против, Но ему приходится держать ответ перед Хурлукга, песня которой с рефреном: «Отвечай правильно, Кази!» служит ярким примером сатиры в дестанном творчестве.

Тунеядство и безнравственность, алчность и ханжество духовенства служили объектом едкой сатиры не только в дестанах, но и в целом ряде

произведений классической литературы. Вспомним стихи Махтумкули:

Ишаны стали обивать пороги,
Муллы давно к любым грехам не строги.
Крича: «Я свят!», святоши лгут о боге
И в божий рай при жизни ищут ход.

(Стих. «Распал»)

Махтумкули сочинил и многие другие произведения, в которых бичуются социальные язвы и морально-бытовые пороки современного ему общества. И если в стихотворении «Двоеженец» он смеется над баями-многоженцами, заявляя:

Когда смельчак двух жен себе добудет...
Народ себе потеху в нем увидит...
Мужчиной мужа не сочтут такого:
Он третьей бабой станет в свой черед. —

то в сатире «Сплетник» - обрушивается на распространителей клеветы и кляуз:

Уймись, молчи! Не причиняй на миг
Народу-солнцу лишней боли, сплетник!

Дурная привычка отдельных людей употреблять жевательный табак, осуждена поэтом в известном стихотворении «Насатан»:

С табаком не можешь долго быть в разлуке.
Рискуешь всюду, пристрастясь к проклятой
штуке,

Вытираешь о бока, сморкаясь, руки,
Всё измазал – грудь, колени, насатан...

Пожалуй, еще большую известность получило в народе сатирическое стихотворение Махтумкули «Баш устуне» («Пожалуйста»), в котором нарисован образ труса-горлопана и чревоугодника:

Трус обещать всегда охоч:
Ведь обещанье не тревожит...
Крутя усы, осклабя рот,
За льва он грозного сойдет,
Он рёвом горло надорвёт,
Коль блюдо плова уничтожит.

Обличительная линия поэзии основоположника классической литературы нашла свое дальнейшее развитие в творчестве замечательного сатирика XIX в. Кемине. Поэт, защитник бедноты, хорошо известен в Туркменистане как автор многих юмористических и сатирических стихотворений и как герои остроумных анекдотов, направленных против баев-ростовщиков и представителей мусульманского духовенства – пиров, казиев, ишанов.

Вы – лжесвидетель, так трубит молва.
О, мой радетель, ведь она права!
Вы продаёте ложные слова —
Кому продать случится, мой кази! —

В другом четверостишии выведен обобщенный тип жадного пира-мракобеса. Мы имеем в виду сочиненное экспромтом стихотворение «Доверься разуму», когда

Кемине уподобил встреченного на дороге навозного жука скупому и подлому пиру:

Ты хитростью достиг невиданных высот,
О мерзостях твоих не ведает народ.
Кто разгадал тебя, тот грешником сльвёт.
Ты молишься, а сам проклясть меня готов.

Органическая связь поэзии Кемине (да и других туркменских поэтов) с фольклором прослеживается на всём его творчестве. Это и естественно, так как по определению А. М. Горького, «Начало искусства слова – в фольклоре».

Туркменские поэты умело использовали неисчерпаемые источники народно-поэтического творчества и в свою очередь обогатили эту коллективную сокровищницу своими собственными творениями.

Если говорить о Кемине, то свою глубокую любовь к нему народ выразил созданием вокруг его имени целого цикла юмористических и сатирических рассказов и анекдотов, часть которых публикуется в настоящем сборнике. Дополняя друг друга, они рисуют страстного поборника правды, справедливости и непримиримого разоблачителя феодально-клерикальной верхушки.

В юмористических и сатирических рассказах о Кемине перед нами проходит галерея образов скупых и лживых представителей ислама, жестоких и алчных баев и ростовщиков.

В серии анекдотов – «Пример с учителя», «Станет волкодавом», «Понятная любовь», «До вас далеко», «И вам приходится отцом?», «Чьи помыслы чище?», «Снова стал бараном» – даётся мрачный образ хивинского наставника-пира, жестоко эксплуатировавшего и обманывавшего своих учеников-послушников. Не менее

интересны миниатюрные рассказы - «Он уже явился», «Много помолившихся», «Мы за вами», «Чему верить?», «Лучше подружиться с дьяволом», «Не правда ли?», «Не так уж далеко», - в которых ядовито высмеивается религия, духовенство, его проповеди о существовании райских угод, добрых ангелов и т. п.

Другая сатирическая струя цикла анекдотов о Кемине направлена на баев-скряг, веками угнетавших бедных дайхан и скотоводов; антипатриотов, думающих только о наживе в противовес трудящимся массам, которым даже в обстановке феодально-патриархальной кабалы были весьма дороги интересы родины:

- Баям - только богатство мило, край отцовский - мил беднякам! - восклицает поэт.

Гневным протестом против засилия феодальной верхушки дышит рассказ «Гетерим» («Гораздо больше»), где показаны неодолимые противоречия между простыми тружениками и жадными богачами, ссужавшими деньги и продукты за огромные проценты. А в таких анекдотах, как «Когда шёл дождь», не только противопоставляются интересы бедняков и баев, но проводится мысль о возможности изъятия байского добра в пользу голодных.

Оптимизмом и гуманизмом Кемине можно объяснить бытующие в различных уголках Советского Туркменистана гкизнерадостные анекдоты: «Новая жена Кемине», «Переселение», «Чем мы её обидели», тематически связанные с крайней бедностью поэта.

Несмотря на невыносимые условия жизни, поэт никогда не падал духом и верил в наступление лучшей жизни, когда люди труда «похоронят свою бедность», обретут счастье:

Не горюй, не печалься, имей выдержку, сердце
моё!

Пришла, но уйдёт эта бедность.

Почётное место в туркменском юморе принадлежит циклу рассказов, группирующихся вокруг великого узбекского поэта Мирали (Навои). Здесь, как и в цикле «Кемине», главным действующим лицом выступает прославленный поэт. Известно, что в течение пяти веков Алишер Навои (1441-1501) пользовался у туркмен огромной популярностью, он оказал заметное влияние на туркменских поэтов XVIII-XIX вв. Братской дружбой между двумя народами и их лучшими представителями, сотворчеством в области культуры, литературы и фольклора объясняется возникновение цикла забавных приключений Миралн. Разумеется, они далеки от исторической биографии Навои, в них нашли художественное отражение лишь отдельные стороны его жизни и деятельности.

Как и следовало ожидать, в этих анекдотических рассказах весь фон, вся обстановка, начиная от кибитки дайханина, с его примитивным земледелием, и кончая аулом - «резиденцией» султана - типично туркменские. В созданном талантливymi рассказчиками образе, Мирали изображен выходцем из простого народа - потомственным бедняком. Любимый герой пасёт скот, сам обрабатывает землю, живёт в обыкновенной кибитке, не имеет даже постели и скарба. В то же время огромную сумму, получаемую им за службу у султана, он раздаёт нищим и инвалидам (рассказ «Куда ты их тратишь?»). Всё своё богатство, ум и энергию Мирали направляет на помощь обездоленным людям, на облегчение их участи. Здесь ощущается явная идеализация личности классика узбекской литературы. Но она объяснима, если учесть полезную для народа историческую деятельность большого гуманиста.

Мирали находчив и сообразителен, он вступает в смелые состязания с тимуридским повелителем и его завистливыми сановниками. Последние организуют интриги и заговоры против поэта (он был некоторое время визирем у того же правителя), но герой выходит победителем из всех сложных перипетий («До смерти падишаха», «Почему смеялся конь», «Кто прав», «Короткое одеяло», «Советчик»).

Среди рассказов данного цикла выделяется – «Прости, Друг», в котором весёлый юмор переходит в социальную сатиру на богачей. Не исключена, конечно, возможность привнесения этого сюжета из народных сказок. Но и в этом случае мы видим широкую фольклоризацию благородного образа Навои, что опять-таки свидетельствует о глубочайшем к нему уважении читателей и слушателей. Добавим, что Навои настолько популярен в народе, что кроме цикла юмористических рассказов, у туркмен существует специальный музыкальный лад, названный именем великого гуманиста.

О древности жанра сатиры и юмора, как продукта коллективной мысли трудовых масс, в котором красной нитью проходят демократические тенденции, свидетельствует и другой цикл рассказов. Мы имеем в виду серию сатирических приключений, группирующихся вокруг имени Алдаркосе. Этот цикл привлекает тем, что в нем представлены напряженные по композиции и острые по идейному содержанию рассказы о хитром обманщике, напоминающие новеллистические сказки. Они широко известны среди туркмен, а также других народов Советского Востока: узбеков, казахов, каракалпаков. Как явствует из имени Алдаркосе («Алдар» – обманщик, «Косе» – безбородый, символ хитрости), он оставляет в дураках всех своих противников, будь это жадные торгаши, ростовщики-скряги или ханжи-кази, любыми средствами

выжимающие деньги у простых и неискушенных в их тёмных делах людей. Находчивый балагур преодолевает все житейские невзгоды, отбирает у богачей нечестно нажитое ими добро, мстит им за себя и за всех обманутых («Алдаркосе и сорок купцов», «Алдаркосе и Кази», «Алдаркосе и ростовщик», «Вещая птица», «Посев верблюдов» и др.). В то же время он готов оказать материальную и моральную помощь нуждающимся: «Выгодная сделка». Характерно, что в борьбе с «сильными мира сего» Алдаркосе умело использует свой ясный и практический ум бывалого человека, большую сообразительность и решительность в действиях.

Ловкость и изобретательность Алдаркосе поистине неисчерпаемы. Немногословные и простые повествования о веселом обманщике близко напоминают сатирические и юмористические новеллы, объединённые единством идеи и социально-бытовой направленностью. Помимо социальной сатиры и глубокого юмора в них утверждается разум и сметка, правда и справедливость.

Забавные сцены и острые словечки заключены в цикле коротких рассказов «Эсенполат». Здесь героем анекдотического разряда выступает своеобразный комик. Тут мы имеем дело с развлекательными шутками, проделанными весельчаком Эсенполатом по поводу тех или иных случаев из быта людей старого туркменского аула. Он смешит людей не ядовитой сатирой на светских или духовных феодалов, а комизмом положений. Невинные анекдоты и весёлые трюки шутника покоятся на жизнерадостном восприятии окружающего мира. Эсенполат иронизирует и пародирует неуклюжее, либо, наоборот, ловкое поведение людей в определённой жизненной ситуации, что опять-таки говорит о неисчерпаемом оптимизме и юморе, свойственном устному поэтическому творчеству.

В нашем сборнике помещены образцы народных сказок, называемых по-туркменски эртеки, что в переводе означает: «грядущее» (по другому толкованию – «былое»), Эртеки – один из наиболее древних, самых богатых и разнообразных жанров художественного фольклора. Их сказители и носители – трудящиеся дайхане, бедные чарвадары-скотоводы. В эртеки выражены ум и сообразительность, нравы и мировоззрения, мечты и стремления масс, их борьба с эксплуататорской верхушкой старого общества в лице ханов и шахов, баев и ростовщиков, ишанов и мулл. Сказка, особенно новеллистическая, утверждает труд как источник материального благополучия, мерило человека, его достоинств («Как бедняк ходил за черкезом»).

Примечательно, что вопреки суровому адату и шариату, женщина – героиня сказок – наделена благородными чертами. Она способна не только любить и быть любимой, но и отстаивать свои человеческие достоинства, побеждать похотливых представителей ислама, ненасытных баев, коварных визирей и деспотичных шахов («Умная гелин», «Разве кончилась мука», «Девяносто торб»). Исключительной силы социальной сатиры достигают сказки в первую очередь новеллистические, в которых показывается борьба против имущественного неравенства и общественной несправедливости за естественные права человека. Человек труда в сказках одерживает победу над всеми своими врагами: двуногими и четвероногими («Батрак», «Бай и три батрака», «Мамедджан», «Кривой ворон» и др.). Часть этих эртеки помещена в предлагаемом вниманию читателей сборнике.

Литературе и искусству принадлежит почётное место в эстетическом воспитании и идейном вооружении наших современников – строителей светлого коммунистического общества. Об этой

благородной задаче литературы, неотделимой частью которой является фольклор, – указывалось в решениях XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза и в исторических выступлениях Н. С. Хрущева о литературе.

Настоящий сборник юмористических и сатирических рассказов призван ознакомить русского читателя с некоторыми образцами художественного фольклора туркмен, созданного на протяжении столетий.

Проф. Б. А. КАРРЫЕВ

Кемине

Кемине и пир^[1]

Похож на ишана

Пригласили Эрали-ишапа разделить наследство между сыновьями умершего бая. Он взял с собою ученика-сопи Кемине. «Будет собеседником в дороге и за лошадью присмотрит», – решил пир. Оседлали ему породистую кобылу, а Кемине – захудалую клячу, и они поехали. На дороге пир увидел жука-навозника, катившего свою добычу. Желая отплатить Кемине за его насмешки, пир ядовито заметил:

– Не находите ли, молла Кемине, что этот навозник смахивает на текинского бедняка, который тащит домой мешок с объедками?

Кемине легонько стукнул жука прутиком; тот выпустил свою добычу и поднял передние лапки. Поэт рассмеялся:

– По-моему, он больше похож на ишана, мой тагсыр. Посмотрите, он поднял руки и читает молитву!

До вас далеко

– Ну и язык у тебя, Кемине-сопи! – разозлился ишан. – Ни одно слово от тебя не укроется!

– Всё равно мне до вас далеко, святой отец, – признался Кемине. – Ведь от вас не укроется ни одно зёрнышко в чужом амбаре, ни одна монета в чужом кармане.

Вы один

Некоторое время Эрали-ишан и Кемине ехали молча. Поглядывая на злое лицо пира, Кемине экспромтом сочинил стихи:

Нора его полным полна: смрад и вонь,
А всё же алчности его лют огонь.
Он подымает ножки вверх – только тронь.
Его молитвенный испуг – нечто странное...

Ишан пуще разозлился.

– Сам дьявол говорит твоими устами! – крикнул он и хлестнул кобылу.

Кемине тоже заторопил свою клячу. Так они и ехали: впереди, мягко покачиваясь в удобном седле, – пир, сзади, трясясь на мослах почтенного одра, – Кемине.

– Как ты там едешь, молла Кемине? – оглядываясь, с усмешкой спрашивает пир.

– Разве я еду?

– А что же ты делаешь?

– Просто подпрыгиваю и опускаюсь.

– Значит, скоро разобьёшь свою ступку?

– Да, тагсыр, но не раньше, чем вы разотрёте свою молочную лепешку.

– Ты что? К женщине меня приравниваешь?! – снова рассердился пир.

– О нет, мой учитель. Говорят два ишана стоят одного человека, да и то женщины. Но ведь вы один!..

И вам приходится отцом?

Путешествие, к удовольствию спутников, закончилось. После сытного обеда пир приступил к

разделу наследства между сыновьями покойного бая. Себя он тоже не забыл.

Кемине, заметив мошенничество, с невинным видом спросил:

- Ишан-ага, умерший и вам приходится отцом?

Чему верить?

Пир закончил раздел наследства. Съехались соседи-баи. Начался той. Время от времени кто-нибудь из гостей почтительно обращался к Эрали-ишану с вопросом на религиозные и житейские темы. Пир отвечал, раздуваясь от важности.

- Тагсыр, большой ли грех курить чилим? - спросил один.

- Если курить для леченья, то греха никакого нет, - ответил ишан.

- Вах, мой пир, - удивился Кемине. - Вчера вы говорили: «За курение ждет ад!». Чему же верить?

Столкнут с моста

Зная по опыту, что с Кемине лучше не спорить, пир перевёл разговор на другую тему.

- Мусульмане, - сказал он, - если вы хотите быть достойными райской жизни - совершайте побольше богоугодных дел. Не скупитесь на жертвы в этом мире. На том свете предстоит переходить через мост, который тоньше волоса, острее меча. Под ним помещается ад, кишаший змеями и скорпионами. Чтобы удачно миновать мост, жертвуйте побольше баранов и коз в пользу бога и его служителей.

- Скажи-ка, чабан, - громко обратился Кемине к соседу, - когда легче провести через мост баранов и

коз, когда их много, или когда мало?

- Чем меньше, тем легче, - ответил чабан.

- Вы слышали, люди? - воскликнул Кемине. - Если не хотите упасть в ад, не давайте баранов. Иначе они столкнут вас с моста!

Чьи помыслы чище?

Пир и Кемине возвращались домой. Навстречу показались два всадника. Издали завидев Эрали-ишана, они спешили и что-то спрятали в придорожных зарослях. Когда ишан приблизился, незнакомцы почтительно приветствовали его.

- Что это вы спрятали в кустах? - поинтересовался тот вместо ответа на приветствие.

Всадники пытались было отговориться, но ишан так пристал к ним, что они вынуждены были сказать:

- Мы бахши. Едем на свадьбу.

- Значит, вы спрятали дутары?

- Да, тагсыр, но мы сделали это из уважения к вам.

- Ах, вы, капыры, подлые нечестивцы, слуги шайтана, дети греха! - завопил Эрали-ишан. - Вместо того, чтобы направить свои помыслы на дела, угодные богу, вы бродите с дутарами и поганите землю!

Бахши стояли, смущенно понутив головы.

О мой пир, - вмешался Кемине, - помыслы этих людей чище наших. Они ходят по свадьбам, где веселье и радость, а мы с вами - по поминкам, где смерть и горе.

Молла! Хушьюр возьмёшь и верно в рай попадёшь.

Дутарщика зато в кромешный ад пошлёшь.

И даже с мертвеца последний грош сорвёшь.

Любой из пиров здесь, в юдоли сей, – таков.

Станет волкодавом

Как-то Кемине захотелось повидать семью.

– Разрешите, учитель, съездить домой, – обратился он к пиру.

– Поезжай, только возвращайся.

– А как же? – усмехнулся Кемине. – Сказано же: конь тысячу раз ступит туда, куда зарекался ступить.

– Обязательно возвращайся, – повторил пир и добавил: – Привези мне хорошего волкодава.

Уладив семейные дела, Кемине снова появился в Хиве. Не забыл он и о поручении пира – прихватил с собой какого-то бездомного щенка. Эрали-ишан возмутился:

– Я просил привезти овчарку, а это же дворняга какая-то!

– Не огорчайтесь, учитель, – сказал Кемине, – она поживёт у вас немного и станет настоящим волкодавом.

Пример с учителя

Эрали-ишан был очень жадным человеком. Получая плату за совершение молитв, он никогда не делился ею со своими учениками-сопи, помогавшими ему в богослужении. Больше того, вместо учёбы, *он* заставлял их работать на себя. Единственная премудрость, которую он постоянно вдалбливал им в головы, состояла в том, чтобы они во всём брали пример с него, с учителя.

Однажды сопипы были посланы копать землю. Пошёл и Кемине. Заложив руки за спину, Эрали-ишан

прохаживался среди работающих. Кемине поступил так же. Пир заметил лентяя.

- Кемине-сопи, - раздражённо сказал он, - если ты хочешь учиться - работай, как другие!

- Учитель, - смиренно проговорил поэт, - вы советовали брать пример не с сопи, а с вас.

Вспомнив своё назидание, пир взялся за лопату. Тогда и Кемине приступил к работе.

Много помолившихся

Вечером, после работы, все сели ужинать. По жадности своей, пир поставил перед каждым десятию сопи по одной миске плова. Кемине рассмеялся.

- Ешьте, молла Кемине, - сердито проговорил Эрали-ишан.

- С удовольствием, - ответил Кемине, и раньше всех принялся за еду.

Ртов было много, и миска вскоре опустела. Пир удивился.

- Ты наверно не помолился прежде чем сесть за трапезу? - спросил он Кемине. - Что-то уж очень быстро поужинал!

- Наоборот, учитель, - ответил Кемине. - Было слишком много помолившихся. Бисмилла!

Буду по-вашему

После плова был подан чал. Кемине пил, причмокивая от удовольствия.

- Молла Кемине, пей без шума, - строго заметил пир.

- А что, разве чал ворованный?

- Нет, нет, - успокоил пир. - Но это вовсе не означает, что надо пить, шлёпая губами, как верблюд.

- Хорошо, тагсыр, - согласился Кемине. - в следующий раз я буду пить по-вашему - процеживать сквозь зубы, как ишак.

Понятная любовь

Однажды пир за совершение духовного обряда получил много зерна и, по обыкновению, ни с кем не поделился.

- Мой пир, - обратился к нему Кемине во всеуслышание, - в какой год вы родились?

- В год крысы, - ответил ничего не подозревавший пир.

- А... - сказал Кемине. - Тогда понятна ваша любовь к зерну.

Мы за вами

Чтобы заработать побольше, Эрали-ишан читал длинную-предлинную проповедь.

- Помните, мусульмане, - поучал он, - ад страшен! Зато прекрасен рай! Но попасть в него трудно. Надо перейти через мостик тоньше волоса, острее меча. Преодолеть его может только тот, кто не печется о земных благах, кто делает много богоугодных дел... Ах, как сладко в раю! Кругом благоуханные цветы, множество ароматных плодов, всякие яства... - Тагсыр, - прервал пира Кемине, - если в раю так хорошо, за чем же дело стало? Чем жить в этом беспокойном мире, спешите в рай!.. А мы за вами!

Снова стал бараном

Кемине жил в отдельной худжре при мечети. Однажды, после праздника курбанлыка, он вёл домой барана. Увидев, что можно поживиться за чужой счёт, Эрали-ишан приказал своим сопи догнать Кемине и отнять барана.

Сопи спрятались под мостом, который лежал на пути Кемине, и, когда он приблизился, выбежали. Баран испугался и вырвался из рук Кемине.

- Ах ты, капыр! - закричал Кемине и побежал вдогонку. Сопи за ним.

- Не троньте! - закричал Эрали-ишан из укрытия, откуда он подглядывал за тем, как выполняют его поручение сопи. - Он теперь стал поганым, как свинья.

Один из сопи наконец поймал беглеца.

- Вах, какой замечательный! - с восторгом сказал он, передавая барана Кемине.

- Услышав, что баран жирный, пир замахал руками и приказал:

- Тащи его сюда! Он снова стал бараном!

Подходящее место

Задумал Эрали-ишан построить себе роскошный дом и мечеть, но никак не мог найти подходящего места.

- Кругом была война, - брюзжал он. - Вся земля опоганена кровью.

Наконец, его осенило. Он созвал тысячу бедняков и приказал им насыпать посредине озера Узынада остров.

Однажды пир приказал Кемине:

- Пойди понаблюдай за работой.

Кемине пришёл к озеру, увидел изнурённых работой дайхан и страшно рассердился. Подъехал сам Эрали-

ишан. Быстро взобравшись на дерево, Кемине принялся обрубать сучья.

- Что ты делаешь? - спросил ишан.

- Хочу вот тут построить себе дом, - ответил поэт.

- Вах-вей! - удивился пир. - Неужели ты не нашёл более подходящего места?!

- Это место подходит для строительства не меньше, чем то, которое выбрали вы, - сказал Кемине.

Если предположить

Кемине житья не давал ишану своими насмешками. Раз как-то он сказал ему:

- Мой пир, какое зрелище я видел недавно!

- Какое же? - любопытствовал ишан.

- Большая собака гонялась за свиньёй.

- Что же это была за собака, если она не могла догнать поганую свинью?... - стал расспрашивать пир. - Большое между ними было расстояние?

- Нет, почти рядом, - ответил Кемине. - Если предположить, что вы свинья, то как раз такое, как между нами.

Неужели жалко?

Все, кто приходил к Эрали-ишану, кроме пожертвований ему самому, должны были давать по одной монете каждому из двенадцати его сопи, которые бродили вокруг мечети.

Однажды ишан сам отправился в гости. Он пришёл к Кемине. Но в кибитку его не пустила собака. Кемине вышел на лай. Увидев ишана, он покачал головой и сказал:

- Ах, тагсыр, нам приходится давать по одной таньга каждой из двенадцати ваших собак. У меня только одна и ей вполне хватит куска чурека. Неужели вам жалко?

Похоже на правду

Несколько человек, среди которых были Эрали-ишан и Кемине, собрались есть дыню. Тронули её ножом, и она треснула.

- Осторожно! Как бы из неё не вышел Кемине в своей шубе! - сострил пир.

- Ну, вряд ли это возможно! - усмехнулся Кемине. - Вот, если бы вы сказали, что я выйду ограбленным из вашего дома... было бы похоже на правду.

Для чего аллах создал пиров

Кемине вырастил дыни. Оказалось, хлопот с ними полон рот: то ежи портят, а то - пир придёт и заберёт сколько ему нужно.

Как-то Эрали-ишан зашёл к Кемине, чтобы поживиться за счёт своего ученика, и увидел, что тот сидит, уставившись в одну точку.

- О чём задумался, мой хан? - спросил пир.

- Да вот, пытаюсь понять, для чего аллах среди прочих животных создал ежей, а среди людей - пиров.

Лучше подружиться с дьяволом

У Кемине кончились запасы, и семья стала голодать. Он поспешил к пиру:

- Тагсыр, помогите! Жена, дети три дня крошки во рту не держали...

- Я помогу тебе перейти мостик в рай... - важно начал пир.

- Если вы имеете в виду конец света, - перебил его Кемине, - то в моей кибитке он уже наступил. Дайте мне немного хлеба.

Пир не дал.

- Правду в народе говорят, что лучше подружиться с дьяволом, чем уповать на ангела, - сказал Кемине.

Аму-Дарья и затхлый источник

Уйдя ни с чем от пира, Кемине обратился к знакомому человеку по имени Мамедсалык и попросил у него займы пять-десять батманов зерна. Тот дал без разговоров пятьдесят.

- О, да здесь течёт Аму-Дарья! - воскликнул поэт. - А я не знал и столько времени провозился у затхлого источника!

Не правда ли?

Бай пригласил Эрали-ишана в гости. Пир с радостью согласился и взял с собою Кемине. По дороге им встретился большой арык, полный воды. Как быть?

- Иди вперёд, молла Кемине, - сказал пир.

- О, тагсыр, разве я посмею сделать хоть шаг впереди вас! - смиренно возразил Кемине.

Пиру ничего не осталось, как лезть в воду. Когда он был уже посредине арыка, Кемине разбежался и с криком: «О мой пир!» прыгнул ему на спину. Ишан с головой окунулся в воду.

- Что ты делаешь?! - вскричал он, отфыркиваясь.

- А помните, тагсыр, - спокойно ответил Кемине, сидя у того на загривке, - на мою просьбу ссудить пшеницы вы обещали мне помочь перейти мост на том свете. Вот я и подумал: коль вы готовы оказать мне большую услугу в будущем, то с удовольствием сделаете меньшую сейчас. Не правда ли?

Только и досталось

У Кемине разболелось ухо: покраснело, распухло. Увидел его пир и съязвил:

- Молла Кемине, ты что, у ишака взял ухо?

- Да, тагсыр, - потупив глаза ответил поэт. - Ведь ум его взяли вы, а мне только и досталось...

Потерпите и вы

- Попадёте в рай - там всего будет вдоволь: яблоки, гранаты, инжир, хурма, - говорил пир своим сопам и держал их впроголодь.

Кемине до смерти надоели подобные речи и он решил его проучить.

- Сегодня у меня на обед пельмени из свежей, жирной баранины с луком и перцем, - однажды сказал он. - Не окажется ли тагсыр мне честь?...

- Отчего ж, охотно! - обрадовался пир.

В назначенный час он был уже у Кемине. Тот возился с собакой и не спешил приглашать гостя в кибитку.

- Кем тебе доводится эта собака, что ты так ласкаешь её? - нетерпеливо спросил ишан. - Отцом? Матерью?...

- Это наш пир, - ответил Кемине.

Надеясь на вкусное угощение, тот пропустил намёк мимо ушей. Вошли в кибитку. Никаких приготовлений к обеду пир не заметил.

- Где же твои пельмени? - не выдержал он. - Мы уже слюнки глотаем.

- Мой пир, - смиренно произнёс Кемине, - в ожидании райских яблок, инжира и хурмы вы уже семь лет нас заставляете не только слюнки глотать, но и носить для вас воду, рубить дрова, копать землю, сеять и убирать. И всё-таки мы не ропщем. Потерпите и вы.

В землю закопаю

Эрали-ишан заболел. Сопи решили его навестить. Кемине условился с товарищами, как и о чём говорить. Один сопи долго расспрашивал пира о здоровье и под конец сокрушенно промолвил:

- О, тагсыр, вы похудели, как собака!

Пир обиделся, но промолчал.

Второй сопи тоже начал с расспросов о здоровье.

- Сейчас один сопи сказал, что я стал худым, как собака, - пожаловался ему Эрали-ишан.

- Да плюньте вы на этого глупого человека, - утешал его сопи. - Бог даст, поправитесь и снова станете толстым, как свинья...

Пришёл Кемине. Пир кипел от злости и сразу стал изливать свою желчь на неблагодарных.

- Ты знаешь, молла Кемине, - с горечью сказал он, - один сопи сравнил меня с собакой, другой - со свиньей.

- Успокойтесь, тагсыр, я их пира в землю закопаю! - пообещал Кемине.

Кемине и окружающие

Дело в шубе

Многие сопи завидовали находчивости и остроумию, с которым Кемине отражал нападки пира.

- Где ты прячешь мешок со своими шутками и меткими словечками? - спрашивали они у Кемине. - Мы бы хотели похитить его.

- Вам придётся украсть мою шубу, - рассмеялся поэт. - Всё дело в ней. В каждом шве - шутка, под каждой заплатой - острота.

Пожалуй, лучше

Большую часть своей жизни Кемине работал на баев. Как-то по поручению одного из них он поехал за песком. На обратном пути повстречал другого бая.

- Молла Кемине, что за груз везешь? - спросил тот, увидев туго набитые чувалы.

- Белый песок, - ответил Кемине.

- А зачем он нужен?

- Разве вы не знаете, бай-ага? Это же превосходное средство против блох и moskitov.

Кто не страдает летом от блох и moskitov? Бай сразу же пристал к Кемине, не продаст ли тот свой белый песок.

- Продать?! Что ж, пожалуй...

- Сколько стоит?

- Тридцать таньга за всё.

- Дорого, - стал торговаться бай.

- Видите ли, бай-ага, не всякий песок помогает. Надо знать место.

- Получай тридцать таньга! - после раздумья, решил бай Видимо, здорово донимали его москиты и блохи.

Через некоторое время Кемине снова встретил этого бая. Тот набросился на нею чуть ли не с кулаками.

- Ты меня обманул! - завопил он. - Твое средство не помогает!

- Вы, наверное, неправильно им пользовались, бай-ага, - спокойно ответил Кемине.

Бай растерялся.

- А... как им надо пользоваться?...

- Очень просто, - сказал невозмутимо Кемине. - Надо поймать блоху и насыпать ей песок в глаза.

- Вах, если я её поймаю, то просто убью! - вскричал бай.

- Вы правы, бай-ага, - ответил поэт. - Это, пожалуй, даже лучше.

Какая часть интересует?

Всю жизнь Кемине проходил в одной и той же шубе. Она была так стара, что, казалось, состояла из одних заплат.

Как-то вокруг него собралась молодёжь. Один парень спросил:

- Молла Кемине, когда была сшита ваша шуба?

- Юноши, - отвечивал поэт, - не затрудняйте меня туманными вопросами. Моя шуба создавалась не в один год. Вот эта заплатка, например, была пришита пять лет тому назад, а вон та - десять. В другой раз показывайте, какая именно часть шубы вас интересует.

Внутри был я

Однажды вечером, набросив на плечи свою знаменитую шубу, Кемине отправился к соседям. И надо же такому случиться: у самого их порога он поскользнулся и упал. Едва он вошёл в комнату, его спросили:

- Молла Кемине, ты что, упал?
- Нет, шуба свалилась... - небрежно ответил поэт.
- Почему же такой грохот был? - удивились соседи.
- Наверное, потому, что внутри шубы был я.

Не так уж далеко

Кемине долго шёл пешком и очень устал. Его нагнал на осле какой-то добрый человек и предложил сесть сзади. Кемине проехал немного, облегчённо вздохнул и сказал:

- Оказывается, рай не так уж далеко от земли - всего лишь на высоте ослиного роста.

Благодарен судьбе

Как-то Кемине шёл по дороге и встретил нескольких парней.

- Молла Кемине, почему вы пешком? - спросил один из них. - Раньше вы всегда ездили на осле.

- Вам лучше не спрашивать, а мне - не отвечать, - сказал Кемине. - Ишак мой потерялся... Я так благодарен судьбе. Ведь если бы я сидел на нём, то потерялся бы вместе с ним.

Как странно

Как-то Кемине мимоходом заглянул к знакомым. В казане варилось мясо, и они готовились обедать. Но хозяйка была на редкость скупа, и ей не хотелось кормить гостя обедом.

- Коза такая старая, такая старая, - затараторила она, - что и через месяц не сварится.

- Гость тоже не молод, - спокойно заметил Кемине. - И уж если сел, то поднимется не раньше, как через полгода.

В это время в кибитку забежал козлёнок. Повертелся, покрутился, подошёл к Кемине и принялся жевать заплату на его шубе.

- Вах, как странно! - воскликнул тот, - Обычно гостя угощают козлёнком, а тут козлёнок норовит съест гостя.

Кемине и скупцы

Ещё раз довелось Кемине попасть к богатым, но скупым людям.

Пришёл он усталый, голодный и видит: стоит на огне казан, а из него валит ароматный пар.

«Тут я пообедаю и отдохну», - подумал поэт. Но хозяевам не хотелось разделить трапезу с гостем. Посовещавшись, они решили предложить ему чёрствый чурек и выпроводить, а потом самим поесть. Кемине не захотел портить аппетит, хотя был смертельно голоден. Да и уходить не собирался.

Хозяйка принесла целую гору свежего, только что испечённого чурека, положила его в хурджум и повесила на стену. А казан сняла с огня и отставила в сторону.

- Теперь пора и спать ложиться, - сказала она и стала готовить постель.

Кемине пришлось лечь с пустым желудком. Сон к нему не шёл. Когда хозяева уснули, его ноги будто сами собой встали, руки тихонько подняли крышку казана и стали шарить в поисках съестного. В казане оказалась пара жареных гусей. Со всеми предосторожностями он вытащил их. А чтобы посуда не пустовала, положил в неё пару чарыков, оказавшихся под рукой. Достать из хурджума чурек тоже не составило труда. Поэт устроил пир горой.

Крепко закусив и набравшись сил на дальнюю дорогу, Кемине решил примерно наказать жадных хозяев. Он взял из птичника петухов, посадил их за пазуху и, растолкав храпевшего хозяина, сказал:

- У меня неотложное дело, я должен уйти... Счастливо оставаться.

- Куда так рано, подожди хоть, пока петухи запоют, - лицемерно упрашивал хозяин.

- Петухи пропоют в дороге, - ответил Кемине.

- Ах, как жаль! - стал сокрушаться хозяин. - Мы даже не посидели с тобой, не поговорили как следует, я даже не знаю кто из нас старше, а кто моложе?

- А сколько тебе, дорогой? - спросил Кемине.

- Два раза по двадцать и десяток. А тебе?

- Точно не знаю, - сказал поэт, - но помню, когда я ещё был мальчишкой, еле-еле достававшим чурек из хурджума, что висел на стене, тогда Чарык-батыры совершили набег на Казан-кала и изгнали оттуда Гусейханов.

Кемине попрощался и ушёл.

- Слава аллаху, - сказал хозяин, проснувшись утром. - Наконец-то отвязались от непрошеного гостя. Вот уж поедим в своё удовольствие... Жена, ставь казан.

Хозяйку не пришлось упрашивать. Она быстро разожгла очаг, водворила на него казан и оба - муж и жена - стали глотать слюнки в ожидании гусятины.

В котле зашипело, запищало, показался дым.

- В чём дело? - удивился муж.

- Всё радуется уходу гостя, - ответила жена. Сняли крышку с казана, а там - чарыки. Кинулись к хурджуму - и он пуст.

- Ведь он же намекал мне! - простонал муж, и тут же пустился в погоню.

Вывернув наизнанку шубу и став неузнаваемым, Кемине шёл не торопясь.

- Куда так рано собрался? - остановил он своего негостеприимного хозяина.

- Ай, у меня ночевал гость по имени Кемине... - отвечал тот запыхавшись. - Знаешь, что он сделал? - И он рассказал всё как было.

- Подумать только! - возмутился Кемине. - То аіе самое он сотворил со мной! Я ведь, как и ты, ищу его.

Они пошли вместе. Но вот дорога раздвоилась.

- Мы не знаем по какой он пошёл, - сказал Кемине, - поэтому нам лучше разделиться. Ты иди по одной, а я - по другой. Кто-нибудь из нас обязательно поймает этого нечестивца и накажет за двоих.

Когда шёл дождь

Несколько молла пошли в гости к баю. Кемине присоединился к ним.

- Куда ты в таких лохмотьях! - стали они уговаривать его. - Ты позоришь нас. Иди домой.

- Вершины гор не бывают без тумана, а мужчина - без своей цели, - ответил Кемине.

К баю он, конечно, не попал - слишком неприглядной на нём была одежда.

Кемине постучался в кибитку бедняка:

- Примете гостя? - спросил он.

- Заходи, заходи. Угостить нечем, а место всегда найдётся, - ответили ему.

- Мне бы переспать.

Кемине заметил, что хозяйка что-то варит в котле, но подать не спешит. Дети похныкали-похныкали и улеглись спать. Поэт не утерпел и спросил, почему она не покормила их.

- О гость, ты коснулся самого больного. У нас ничего нет, а они просят. Вот и приходится их обманывать. Ставлю казан на огонь, кладу в него камни, а их уговариваю: «Ложитесь спать, ягнята. Когда обед сварится, я вас разбужу».

Защемило сердце у Кемине. Когда все уснули, он потихоньку вышел и привёл байского барана. - Вот, сестра, жарь и покорми их. Когда детвора наелась и снова улеглась спать, Кемине, взяв кумган, влез на кибитку и через отверстие в крыше стал брызгать на детей. «Дождь идёт», - подумали, проснувшись, малыши, и снова сон смежил их веки.

Утром бай заметил пропажу. «Это дело рук того нищего, которого я не впустил», - решил он и отправился к кибитке, где ночевал Кемине.

У кибитки возились ребяташки.

- Ели вы мясо? - спросил у них бай.

- Да! - в один голос ответили они.

- Когда?

- В ту ночь, когда шёл дождь, - сказал самый маленький.

«Это они вспомнили про весну», - успокоился бай.

Новая жена Кемине

Кемине был уже в годах, когда у него умерла горячо любимая жена. Трудно жить, если в доме нет хозяйки. Поэт погоревал и решил вторично жениться. Вдовцу, к

тому же небогатому, выбирать не приходилось. Попалась ему женщина немолодая и с детьми.

В первую же ночь она сказала Кемине:

- Ты - молла, значит, я теперь тоже буду в почёте... Скажи, кому мне можно показывать лицо, а кому нельзя?

Жену привезли вечером и поэт её ещё не разглядел.

- Поговорим об этом завтра, женушка, - ответил он осторожно.

Проснувшись поутру, он увидел, что аллах даровал ему в спутницы жизни настоящую каргу: старая, зубы жёлтые, глаза слезятся...

- Показывай своё лицо кому хочешь, - воскликнул поэт в сердцах, - только не мне!

* * *

Новая жена больше всего любила ходить по соседям. Однажды Кемине собрался в город. Жена подала ему на дорогу чурек.

- А ещё есть? - спросил поэт.

- Последний, - ответила она.

Кемине разломил чурек пополам и одну половину протянул ей.

- Зачем это? - удивилась она. - Возьми весь, ты же проголодаешься в дороге.

- Ну, тебе предстоит не меньший путь, - ответил Кемине.

* * *

Усталый возвратился Кемине из поездки, а супруга, как он и предполагал, ещё не вернулась.

«Врут люди, когда говорят, что моя жена обходит все кибитки, – подумал поэт. – Если бы она обходила все кибитки, то заглянула бы и в мою!»

Переселение

Аул откочёвывал на новые места. Кемине верблюдов не имел и попал в затруднительное положение. Еле-еле выпросил у богатого соседа.

У Кемине было двое взрослых сыновей, тоже молла. Не в пример своему отцу, они не умели даже верблюда нагрузить. Старому поэту пришлось всё делать самому. Окончательно выбившись из сил, он крикнул:

– Меняю двух молла на одного дайханина!

* * *

Перегонять на новое место кур Кемине тоже пришлось самому. Поэт сбился с ног, собирая их в кучу.

– Проклятые! – возмущался он. – Вы ведь просто издеваетесь надо мной! Во мраке ночи вы можете разглядеть приближение рассвета. Кто же поверит, что вы не видите дороги средь бела дня!

Возьми и ты

Как-то один купец, удачно торговавший в Хиве, подарил Кемине верблюда с грузом товаров. Кемине пригнал его к кибитке и крикнул:

– Эй, народ, подходи, бери кому что надо!

Сбежались люди и поделили между собой всё, что было в тюке. Тогда поэт сказал жене:

– Возьми и ты свой пай!

Чем мы её обидели?

Всю жизнь Кемине был беден. Однажды сын спросил его:

- Отец, говорят, что ты всё знаешь. Скажи, почему от нас не уходит бедность?

- А зачем ей уходить? - усмехнулся Кемине. - Вы учитесь, мать ваша добрая женщина, я тоже делюсь с людьми всем, что имею. Чем же мы обидели бедность, чтобы она ушла от нас?

Он уже явился!

Как-то поздним вечером жена попросила Кемине нарубить дров. При первом же ударе топор слетел с топорща. В темноте Кемине никак не мог отыскать его и начал уже сердиться.

- Хоть бы аллах помог найти, - проворчал он, Продолжая шарить по земле. - За меру пшеницы...

В этот Момент он нащупал, окара.

- Посмотрите только на этого аллаха! - вскричал поэт. - Когда просишь помочь - его нет, а стоит пообещать что-нибудь - он тут как тут. Не успел заикнуться про пшеницу, как он уже явился со своим окара!

В свободное время

Однажды соседи услышали, что Кемине на чем свет стоит бранит свою жену.

- В чём провинилась эта бедняжка? - спросили они.

- Я ругаю её, чтобы она завтра, когда пойдёт за водой, кувшин не разбила, - ответил Кемине, и, заметив

недоумение на лицах соседей, пояснил: – Завтра я, возможно, буду занят, а сейчас у меня свободное время.

Гораздо больше

До уборки урожая оставалось ещё месяца три, а в семье у Кемине уже нечего было есть. Взял Кемине сына и отправился с ним к баю. Там уже толпилось много других бедняков. Каждого, кто просил, бай доводил до полного изнеможения и только тогда насыпал ячменя или пшеницы, когда отчаявшийся дайханин соглашался на неслыханные проценты. Пришла очередь Кемине.

– Ты слишком беден, чтобы расплатиться, – сказал бай.

– Мне и двух батманов хватит, – не обращая внимания на его слова, сказал Кемине. – Соберу урожай – принесу... четыре!

Бай охотно согласился на такую выгодную сделку.

– Уф! – сказал по дороге домой сын. – Он выжал из нас все соки.

– Когда он придёт за своим долгом, мы выжмем из него гораздо больше, – засмеялся Кемине.

Пусть никто не роется

Когда шуба Кемине изнасилась настолько, что её уже невозможно стало латать, он зарыл её в землю в местечке Порсыкала, близ Мары. После этого он всем людям говорил:

– В Порсыкала я закопал свою бедность, пусть там никто не роется.

Мирали

Прости, друг

Засуха погубила посевы, и без того бедственное положение дайхан стало невыносимым. Мирали бродил по аулам и думал, как бы помочь народу. Как-то ночью встретил он купца, которому нужен был работник. «Труд предстоит великий, – предупредил купец, – но плата за день равна полугодовому заработку батрака». «Близок путь, да, видно, нелёгок», – подумал Мирали, но, заинтересовавшись предстоящим делом, принял предложение.

Тут же хозяин приказал взять пару чувалов, сесть на верблюда и следовать за ним. Долго ехали они. Наконец добрались до высохшего колодца. Купец бросил в него чувалы, а потом на веревке спустил Мирали, приказав ему наполнить мешки всем, что есть в колодце, кроме костей. Пригляделся Мирали, видит: всё дно устилают кости. Понял он тогда, что ото останки не одного десятка людей. Ему стало жутко, и он попросил купца поскорее вытащить его наверх.

– Я же предупреждал тебя, что работа необычная, – ответил купец. – Чем быстрее ты её выполнишь, тем скорее я тебя вытащу.

Мирали, содрогаясь от ужаса, разгреб кости и стал набивать чувалы песком.

Один за другим были подняты наверх чувалы. Настал черёд Мирали. Но едва голова его показалась над колодцем, как купец сунул ему чурек и со словами: «Вот плата!» – отпустил верёвку. Мирали остался жив только чудом. Он понял, что случай свёл его с подлецом. Спасения ждать было не от кого. Надо было что-то самому предпринимать.

Начало светать. Мирали, задумавшись, копал песок лопатой и вдруг заметил, что он куда-то проваливается.

Быстрее заработала лопата, и вскоре показался ход, который вывел его на берег Аму-Дарьи. Но и это нельзя было назвать спасением. Берег оказался отвесным и вскарабкаться по нему было так же трудно, как по стенкам колодца. Разница заключалась в небольшом: там падать пришлось бы на острые кости, а тут – в омут.

Вконец опечалился Мирали. Вдруг к берегу подплыла огромная рыба. Всем своим видом она приглашала его садиться верхом, и он не заметил даже, как очутился у нее на спине, а вскоре и на другом берегу.

– Мальчиком ты приходил сюда играть и всегда бросал мне чурек, – сказала рыба человеческим голосом. – Мы оба выросли с тех пор, но я не забыла твоей доброты. А теперь прощай!..

Растроганно посмотрел ей вслед Мирали и пошел искать купца, который поступил с ним так бесчеловечно. Купец видел своего работника ночью, поэтому, когда тот появился днем, не узнал его и опять нанял на тех же условиях. Прибыли они к знакомому колодцу, но спускаться в него Мирали отказался.

– Нет, нет, хозяин! – сказал он. – Когда я нанимался, ты не говорил, что придется лезть в какой-то колодец. О, да в нём, к тому же ещё и темно, как у барана в желудке!

– Не бойся, ничего страшного там нет, – уговаривал купец.

– Откуда мне знать... – пожал плечами Мирали. – Спустись сначала сам, а потом я.

Плюнув с досады, купец полез в колодец, а Мирали бросил ему чурвалы. Наполнив один из них, купец отправил его наверх и хотел уже вылезти сам, но Мирали сказал:

– Раз уж ты там, ага, доводи дело до конца. И не думай, что поднимать мешки легче, чем копать песок.

Купец наполнил и отправил наверх второй чумал и крикнул, чтобы работник тащил его самого. Когда голова купца уже показалась, Мирали вручил ему чурек и сказал: «Это тебе за работу, ага. До свидания!» – и отпустил верёвку.

В чумалах оказался золотиносный песок. Мирали отправился к Султансоюну.

– Мой друг решил, что я голодаю, и привез мне два чумала пшеницы, – засмеялся при виде нагруженного верблюда падишах.

– В этих чумалах, – сказал с достоинством Мирали, – избавление моего народа от голода, да и для тебя хватит, повелитель.

Сунув руку в один из чумалов, Султансоюн вытащил горсть сырого песка.

– Ты вздумал шутить со мной, недостойный! – сердито вскричал он и приказал слугам: – Уберите его!

Слуги повели Мирали в темницу. Когда падишах, дрожа от злости, взглянул еще раз на песок, что сжимал в руке, то увидел в нём крупинки золота. Растролкав придворных, бросился он за Мирали, догнал его и упал перед ним на колени.

– Прости, друг!..

До смерти падишаха

Недолго наслаждался Султансоюн обществом Мирали: тот не ужился с его визирями и уехал в Мары. Вскоре падишах стал звать его обратно. Мирали решил вернуться и отправился в путь, прихватив с собой сотню откормленных баранов. По дороге заехал он на базар Хирадара. Люди немедленно окружили его и стали осведомляться о цене баранов.

- Я продаю недорого, - отвечал Мирали, - и, кроме того, с отсрочкой платы.

- До какого времени? - заинтересовались все.

- До смерти нашего падишаха.

На таких условиях покупателей нашлось больше, чем было баранов. Те, которым не досталось, побежали жаловаться к Султансоюну.

- Пресветлый падишах, из Мары приехал какой-то скотовод. Он позволил себе оскорбить ваше величество.

- Каким образом?

- Даже язык не поворачивается сказать!..

Султансоюн разрешил говорить всё, и ябедники продолжали:

- Он пригнал на хирадарский базар целое стадо баранов и продал их с отсрочкой уплаты до дня вашей смерти.

Разгневанный падишах приказал во что бы то ни стало изловить этого человека и привести к нему.

Стражники вскоре возвратились, ведя Мирали. Султансоюн было обрадовался, но вспомнив, что тот желал ему смерти, грозно спросил:

- Что это значит, Мирали?

- Мой шах, я не ведаю, в чем провинился. Разве плохо я сделал, что накормил мясом сотню-другую бедняков?

- Но ведь ты желаешь моей смерти?
- Прежде чем опровергнуть эту клевету, позвольте задать вопрос вашему величеству?
- Спрашивай...
- Кому больше поверит аллах - одному человеку или ста?
- Глупый вопрос. Не только аллах, но я сам скорее поверю двум, чем одному.
- Тогда за что же вы гневаетесь на меня, мой повелитель?
- Ты же хочешь моей смерти!
- Если я один буду молить о ниспослании смерти вашему величеству, то целых сто человек будут ежедневно просить аллаха о продлении вашей жизни.
- Мирали! - воскликнул Султансоюн. - Отныне ты - мой главный визирь!

И от меня столько же

Султансоюн долго думал о чём-то и наконец обратился к Мирали за советом:

- Когда человек имеет много власти и денег, он сбивается с пути. За мной, без сомнения, много грехов, известных мне и не известных. Хочу поехать в Мекку или в другое какое место, найти там святого пира и покаяться ему, чтобы он отпустил мне грехи. Что ты на это скажешь, мой друг?

- Я согласен с первым и не согласен со вторым, - ответил Мирали.

- Не понимаю тебя, - сказал падишах.

- Верю, что вы совершали грехи, но не верю, что искупите их с помощью пира.

- Тогда что же делать? - спросил Султансоюн. - Совесть мне покоя не дает.

- Лучшее лекарство в подобных случаях, - сказал Мирали, - забота о народе, добрые дела для его пользы.

Султансоюн задумался, но ничего не сказал.

Через несколько дней они отправились в далёкий путь. Дорога пролежала по глухим, пустынным местам, поэтому, когда их взору предстала чёрная низкая кибитка, падишах удивился. Визирь, посланный узнать, кто там живет, вернулся и доложил:

- Женщина-пир, мой повелитель.

- Видишь, - сказал Султансоюн, - сам аллах одобрил моё намерение покаяться, послав мне пира.

Мирали улыбнулся:

- Разве мало колен, к которым вы уже припадали?

- Меня терзает раскаяние в грехах, а ты всё шутишь! - поморщился падишах.

- Не сердитесь, мой повелитель, но по-моему, порядочный человек всегда найдет место среди людей.

Неспроста эта женщина живёт в уединении.

- Может, ты скажешь, что она связана с разбойниками? - спросил падишах.

Мирали обещал всё выведать и попросил для этой цели триста золотых.

Визири принялись наперебой восхвалять религиозность и смирение отшельницы: она-де не пускает мужчин на порог и не показывается незнакомым.

Подойдя к кибитке, Мирали обратился к сидящей у входа прислужнице:

- Передайте своей госпоже, что один человек, пришедший издалека, принёс с собой сто золотых и отдаст их за то, чтобы взглянуть на неё один только раз.

- Нет, нет! - крикнула из кибитки женщина-пир, но затем, что-то пробормотав, сказала: - Всевышний разрешил вам войти.

Насмешливо взглянув на хозяйку, Мирали отдал ей сто золотых и вышел, не говоря ни слова. На следующий день он снова был у входа в чёрную кибитку.

- Передайте своему пиру, что вчерашний посетитель пришел опять и просит позволения поцеловать её за сто золотых.

Мирали слышал, как хозяйка возмутилась.

- Да сохранил меня аллах! - Потом забормотала: - Что? Один раз можно? Ну, что ж, придётся выполнить повеление свыше.

Приблизился Мирали к святой и увидел немолодую, поблёкшую уже женщину, поцеловал свою руку, приложенную к щеке хозяйки, и вышел.

На третий день Мирали сказал Султансоюну:

- Если хотите узнать меру святости этой женщины, приходите сегодня ночью к её кибитке.

А прислужницу послал сказать, что просит позволения за сто золотых лечь ночью спать в трёх

шагах от пира.

- О аллах, как могу я положить рядом с собой постороннего человека! - воскликнула святая, но потом переспросила кого-то: - Что-что? Он не посторонний? - и вздохнула тяжело: - Раз аллах велит, что я могу поделаться?

Ночью Мирали было дозволено лечь рядом с женщиной-пиром. Он строго сохранил обусловленное расстояние. Хозяйка забеспокоилась. Зевнув, она пробормотала, будто во сне: «Поближе двигайся, поближе», и так как Мирали не шелохнулся, придвинулась к нему сама - тоже как будто во сне.

Мирали ни гугу. Только похрапывает. У святой лопнуло терпенье и она схватила его в объятия. Мирали попытался вырваться. Тогда женщина пообещала:

- Сто золотых твои...

- Нет, я не могу взять такой грех на душу, - попытался освободиться он от цепких рук.

- Двести золотых твои!

- Мне не было такого наказания от аллаха! - не соглашался Мирали.

- Триста золотых твои! - простонала женщина.

- Мирали, и от меня столько же! - крикнул Султансоюн.

Куда ты их тратишь?

Давно знали друг друга Мирали и Султансоюн, но последний ни разу ещё не был в гостях у своего главного визиря. Однажды падишах проходил мимо кибитки Мирали, и тот обогнал его.

- О Мирали! Я до сих пор не удостоился твоего приглашения. Чем это объяснить?

- Ваше величество интересуется жизнью Мирали?...

- Покажи же, как ты живёшь.

- Прошу, мой султан.

В доме главного визиря свободно гулял ветер. Никаких вещей, кроме старого тюфяка, что лежал на полу, не было. Жена Мирали сидела и сучила пряжу.

Султансоюн не поверил своим глазам.

- Чей это дом? - спросил он женщину.

- Мой повелитель, это дом вашего главного визиря.

- Я плачу ему сто золотых в месяц, почему же вы живёте в такой бедности? Куда ты их тратишь? - снова спросил падишах женщину.

- Слава аллаху, мы здоровы и можем работать. Что же касается денег, то, вероятно, они возвращаются туда, откуда собраны, - почтительно ответила она.

- Всё-таки куда же деваются сто золотых, которые я ежемесячно выплачиваю своему главному визирю? - повторил вопрос Султансоюн, обращаясь к Мирали.

- Следуйте за мной, ваше величество, - коротко ответил тот.

По дороге Мирали сказал падишаху, что, если он хочет понять всё сразу, им лучше обменяться одеждами и лошадьми. Султансоюн согласился. Они поехали на самую окраину города, в квартал, где ютились калеки, нищие. На Мирали, ехавшего на падишахском коне, в одеждах повелителя, никто не обратил внимания, зато

возле Султансоюна, облачённого в костюм Мирали, собралась толпа. Кто-то взял коня за повод, остальные подхватили на руки его самого и бережно поставили на землю. Отовсюду слышались возгласы:

- Привет тебе, о Мирали!

- Свет очей наших...

- Мирали, спаситель наш, да продлит аллах твои дни!..

- О Мирали! - воззвал и Султансоюн, которому несчастные не позволяли шагу сделать без их помощи, - выручи меня! Не я, а ты их падишах. Теперь я понял, куда ты тратишь свои деньги!

Когда толпа несчастных успокоилась, Мирали сказал, что Султансоюн приехал узнать, как они живут и в чём нуждаются.

Нищие и калеки ещё плотнее окружили падишаха, стали целовать полы его одежды. Султансоюн снова взмолился:

- Бери, что хочешь, Мирали, только вызволи меня отсюда!

- Обещайте, ваше величество, построить для этих несчастных специальный дом и содержать их за счёт казны, - попросил Мирали.

- О, обещаю! - воскликнул падишах, у которого от дурного запаха кружилась голова. - И сверх того обещаю построить новый дом для покровителя сирот и убогих - Мирали.

Не стоит пачкать руки

Придворные Султансоюна возненавидели Мирали и поклялись его извести. Однажды они напросились сопровождать главного визиря в прогулке по степи и бросили его в колодезь. Не видя Мирали уже три дня, падишах решил, что тот обиделся и не показывается на глаза.

Отцвели цветы мои,
Отошла пора моя... —

напевал скучающий Султансоюн, гуляя в саду. Услышал эту песню пастух, и она очень ему понравилась. Погнал он в степь овец и тоже запел:

Отцвели цветы мои,
Отошла пора моя...

Вдруг чей-то голос из-под земли продолжил:

Горько плачу я, несчастный, —
В прах лицом повержен я.

Пастух не понял, откуда донеслись эти слова, но тоже запомнил их. Погнал он овец домой и снова услышал как падишах поёт:

Отцвели цветы мои,
Отошла пора моя...

Тогда, не долго думая, пастух подтянул:

Горько плачу, я, несчастный,
- В прах лицом повержен я.

- Откуда ты знаешь эту песню? - спросил у него Султансоюн.

Пастух ответил, что начало он слышал сегодня утром от их величества, а продолжение - днём, в степи, причём голос доносился откуда-то снизу, из-под земли.

Падишах сразу понял, в чём дело, и позвал своих визирей.

- Найдите такие слова, которые веселили бы меня и печалили в то же время, - сказал он им. - Если не найдёте - горе вам. Смерть будет вашим уделом.

Целый день в страхе и напряжении пытались найти весёлое и печальное слово визири, но ничего не придумали, а час их смерти приближался неотвратимо. Не видя другого выхода, побежали они к колодцу, в который сбросили Мирали, слёзно покаялись перед ним, умоляя помочь. Мирали подсказал им слова, которые веселят и печалят одновременно. Представ пред очи разгневанного падишаха, визири в один голос произнесли:

- И это пройдёт...

Султансоюн перестал сдерживаться.

- Проходимцы и лжецы! - кричал он. - Это не ваши слова, проклятые! Это слова человека, попавшего в беду. От кого вы слышали их? Отвечайте, а не то шкуру спущу!

Дрожа и заикаясь, визири признались.

- Немедленно ступайте к колодцу, вытащите из него Мирали и приведите сюда! Нет... принесите на своих спинах!

Визирь исполнил повеление в точности. Падишах встретил любимца и предложил ему назначить мерзавцам кару.

- О, мой повелитель! - улыбнулся Мирали. - Как вы плохо знаете меня. Я не помню зла и вам не советую. Что касается мести, то она лишь тогда благородна, когда направлена на равного, а из-за колючки придорожной стоит ли пачкать руки?

Почему смеялся конь

Султансоюн скучал. Вдруг один бай позвал его на той. Падишах охотно принял приглашение. Мирали, как обычно, он решил взять с собой, надеясь над ним потешиться.

- Выедем затемно, будь готов, - сказал он главному визирю.

- Почему так рано? - удивился Мирали.

- Мы с тобой давно не встречали восход в степи, - ответил Султансоюн, усмехаясь.

«Тут что-то не ладно», - подумал Мирали.

Падишах приказал слуге насыпать в торбу коня Мирали вместо корма горячей золы. Зашёл на конюшню Мирали - после разговора с Султансоюном он чувствовал себя беспокойно - и увидел, что у его коня дико оскалена морда. Сразу догадавшись, чьего ума это дело, он отрезал коню падишаха хвост.

Выехали затемно, как и договорились. Впереди - падишах, следом - его главный визирь. Поднялось солнце - яркое, свежее. Султансоюн оглянулся и расхохотался.

- Друг мой, почему смеется твой конь?

- Наверно, ему смешно смотреть на бесхвостую лошадь вашего величества.

Султансоюн глянул на своего коня и обмер. Не говоря ни слова, он повернул домой.

- Не разжигай огня - обожжешься, не рой яму - сам в неё упадёшь, - напевал Мирали, не отставая.

Кто глупец?

Кто-то надоумил Султансоюна искать сокровища в горах Хорасана. Он снарядил целый отряд и сам поехал. Ничего не найдя, а только порядком обморозившись, он спустился в долину в очень плохом настроении и объявил: «Кто проведёт ночь на вершине снежной горы, взяв с собой сорок одеял, но не разжигая костра, тот получит хум золота».

Предложение многих соблазнило, но так как уже наступила зима, то смельчаки замерзали в горах один за другим, и даже сорок одеял, которыми они укрывались, не спасали их от смерти. И всё-таки каждый день находились новые добровольцы.

Мирали решил прекратить это. Он явился к падишаху и сказал, что тоже намерен рискнуть.

- Не будь дураком, - принялся отговаривать его Султансоюн, - ты неминуемо замёрзнешь.

- Моя жизнь принадлежит мне, и я люблю её больше, чем вы, - ответил Мирали.

- Неразумный, ты же знаешь, что я сам чуть не замёрз там.

- Тогда объявите, ваше величество, что вы снимаете свои условия.

- Э, полезай! - разозлился Султансоюн.

Взобравшись на гору, Мирали подстелил тридцать девять одеял под себя и лишь одним укрылся. Ночью ему было совсем не холодно, а к утру он даже вспотел.

Султансоюн нервничал: жаль было лишаться нужного человека. Но, когда главный визирь предстал перед ним в добром здравии, падишаху стало досадно.

- Скажи правду, Мирали, видел ты ночью огонь? - спросил он.

- Да, на дальней горе, с запада, мерцал какой-то свет.

- Тогда понятно, почему ты не замёрз: тот огонь тебя согревал. А раз так - ты не выполнил условий, - заявил падишах и отказался выдать обещанную награду.

Мирали пожал плечами.

Спустя какое-то время Султансоюну срочно понадобился Мирали, и он отправил за ним посыльного. Тот вернулся и передал, что главный визирь только что поставил чайник. Вскипит он, Мирали напьётся чаю и придёт.

Ждал, ждал падишах, но Мирали не появлялся. Снова послали человека, и тот принёс прежний ответ. Почти весь день миновал, за это время могли бы вскипеть сто чайников, а Мирали так и не соизволил явиться. Посланные возвращались с одним и тем же ответом. Вышедший из терпения падишах сам пошёл к Мирали и увидел, что тот сидит у пылающего очага, в трёх шагах от которого стоит чайник.

- Вот глупец! - вскричал Султансоюн, - разве можно кипятить чай, оставив чайник на целых три шага от огня?!

- Мог же свет с дальней горы согреть меня, - спокойно возразил Мирали.

Разве мы не люди?

Султансоюн правил всем Хорасаном. Только над мухами был он не властен, и эти твари страшно досаждали ему.

- Есть такое место на земле, где бы не было мух? - раздражённо спросил он как-то у Мирали.

- Мух не бывает там, где нет людей, - ответил главный визирь.

«Вот случай взять над ним верх», - подумал падишах и приказал: - Садись на коня!

Они поскакали в степь. Остановились, когда исчезли из виду жилые места. И вдруг на лицо Султансоюна, жужжа, опустилась муха.

- Ты говорил, где нет людей, там нет и мух. А это что - не муха? - торжествующе обратился падишах к Мирали.

- А разве мы не люди? - спросил тот вместо ответа.

Короткое одеяло

От нечего делать Султансоюн решил устроить своим придворным экзамен на сообразительность. Он лёг и велел укрыть всего себя, с головой, коротеньким одеялом. Визирям это никак не удавалось. Укроют ноги падишаха – голова остаётся открытой, натянут на голову – ноги голые. Султансоюн спросил из-под одеяла, присутствует ли Мирали.

– Я здесь, ваше величество, – ответил тот.

– Попробуй-ка ты укрыть мне ноги, – предложил падишах.

– Я берусь это сделать, – отвечал Мирали, – если вы обещаете не гневаться.

– Рассержусь, если не сделаешь.

Мирали взял плётку и хлестнул Султансоюна по ногам. Тот мгновенно поджал ноги и оказался весь под одеялом. Но в следующий момент он вскочил и набросился на Мирали.

– Как ты смел меня ударить?!

– Я только выполнил приказ, – спокойно ответил Мирали.

Советчик

Возвращаясь как-то с охоты, Султансоюн и Мирали встретили красивую молодую женщину. Падишах остановился как вкопанный и долго провожал её глазами.

- Ты мой главный визирь, - сказал он доверительно, - значит, должен понять моё состояние и помочь мне. Как бы заполучить эту гелин?

- Никак, - твёрдо ответил Мирали.

- Она похитила моё сердце, мне жизни не будет без неё!

- Всё равно, мой повелитель, выбросьте эту блажь из головы. Что говорит шариат? Разве можно связываться с чужой женой? Весь народ станет презирать вас.

- Я без тебя добьюсь своего! - запальчиво отвечал падишах. - Но не силой, а добром. Ты же, раз не можешь помочь мне, попросись в советчики к мужу этой гелин!

Султансоюн был весь во власти вспыхнувшей страсти. Он не поехал дальше, а остановился в доме богатого бая и послал хозяина за мужем красавицы. Туда же отправился и Мирали, сказав, что хочет навестить друга, живущего в этом селе. Он пришёл раньше бая, всё рассказал мужу гелин и предупредил, что падишах, вероятно, призовет его и даст мудрёное поручение. Отказываться не нужно. Он, Мирали, поможет его выполнить.

Главный визирь хорошо знал своего повелителя. Всё случилось так, как он предсказывал. Появился отдувающийся бай и передал приказание падишаха явиться к нему.

- Как тебя зовут? - спросил у дайханина Султансоюн.

- Каракудук.

- Каракудук? Отлично. Так вот, Каракудук, я имею обыкновение везде, где бываю, интересоваться необычными людьми и давать им необычные поручения. Выполнят - награждаю, не сумеют или не захотят - наказываю. В этом селе самый необычный человек - ты. У тебя странное имя, лицо незаурядное и, может быть, есть ещё что-нибудь не такое, как у всех, а?...

- Редко кому выпадает счастье послужить падишаху, - почтительно ответил дайханин. - Я выполню всё, что вы изволите поручить.

- Хош! Я дам тебе коня, пару быков и десяток баранов. Ровно через шесть месяцев ты должен получить от них приплод.

Каракудук согнулся в поклоне. Кто-то крикнул:

- Вай, пропала твоя голова, несчастный. Разве можно получить приплод от самцов?!

Дайханин ответил:

- Падишах - наместник бога на земле. Раз он захотел, чтоб самцы дали приплод, - так оно и будет.

Шесть месяцев миновали, и Султансоюн вместе с Мирали снова приехал в то село. Падишах остановился у знакомого бая, а Мирали, испросив позволения навестить своего друга, отправился к Каракудуку и посвятил супругов в свой план. Едва успел он от них уйти, как падишах послал человека за Каракудуком. Посланный возвратился и доложил, что тот болен.

- Пусть придёт его жена, - сказал Султансоюн.

Гелин пришла и подтвердила: супруг её нездоров.

- Что с ним? - поинтересовался повелитель.

- Рожает он, схватки начались, - ответила женщина.

Султансоюн расхохотался:

- Разве мужчина может родить?

- Ах, пресветлый падишах, - невинно проговорила красавица, - если бык способен отелиться, конь ожеребиться, баран окотиться, то почему бы моему мужу не родить?

Султану нечего было возразить и он отпустил её, Мирали погрозил пальцем:

- Тут не обошлось без тебя.

- Я исполнил желание вашего величества, - скромно потупился Мирали.

- Моё желание?!

- Помните, вы сказали: «Раз не в состоянии помочь мне, попросись в советчики к мужу гелин».

Когда живется лучше

Гуляя в окрестностях города, Султансоюн и Мирали столкнулись с молодой женщиной. Оба сразу узнали её: она жила в гареме падишаха, пока тот не прогнал её за непослушание. На женщине было старенькое залатанное платье из домотканого кетени, тем не менее, она казалась весёлой и довольной.

- Спроси, какая жизнь ей больше по вкусу, теперешняя или прежняя, - шепотом приказал падишах своему визирю.

- Мне ясно какая, но для вас могу спросить, - ответил Мирали и обратился к женщине: - Сестра, ты долгое время жила во дворце нашего повелителя, одевалась в шелк и пила мёд. А сейчас тело твоё еле прикрыто тряпьем, ты так исхудала, что и вороне негде клюнуть. Скажи, не стесняясь, когда тебе лучше жилось, сейчас или раньше?

Женщина заговорила, не раздумывая:

- Во дворце я была одна из сорока. Нога повелителя не ступала через мой порог и раз в сорок дней. Радости жизни были запретны для нас, мы ничего не смели делать, даже думать по-своему боялись. Щелк, в который я была одета, жёг меня, мёд казался отравой. А сейчас я живу своим трудом, муж мой любит меня, его ласки приятней всех шелков мира; когда нет хлеба, я сыта его улыбкой. Вы спросили меня и я скажу: «Лучше жить бедно, но свободно, чем быть невольницей во дворце».

Опустив яшмак, женщина удалилась. Мирали многозначительно взглянул на падишаха.

- Ты хочешь сказать, что мне следует отпустить всех жен, кроме одной? - спросил его Султансоюн.

- Удивляюсь вашей догадливости, - рассмеялся Мирали.

Алдаркосу

Алдаркосе и сорок купцов

Алдаркосе отправил сына на базар – продать корову. Той же дорогой ехали на базар сорок купцов, известные мошенники. Увидали они мальчика и решили его обмануть. Приблизился один из них и говорит:

– Эй, мальчик, куда ведёшь козу?

– Какую козу? – удивился сын Алдаркосе. – Это корова.

Купец, ничего не ответив, проехал мимо. Догоняет мальчика второй плут.

– Сынок, не на базар ли ведёшь эту козу?

– Разве не видишь, что это корова? – рассердился мальчуган.

Но тут подошел третий купец и спрашивает:

– Что, дружок, на продажу ведёшь козлёнка?

«Может, это в самом деле коза? – нерешительно подумал мальчуган. – Все так говорят». – А вслух сказал. – Вах, отец, какое тебе дело?

– Если продаешь, куплю.

Мальчик задумался: «Пригоню её на базар, скажу, что корова, все станут смеяться надо мной. Уж лучше от греха сейчас продам, пока есть покупатель».

Получил он два крана – цена козы, – отдал корову и возвратился домой.

– А где остальные? – спросил Алдаркосе, получая вырученные сыном деньги.

– Какие остальные? – удивился мальчик. – Ты сказал – корова, а это была коза. Разве она стоит больше?

Алдаркосе понял, что сына обманули. Расспросив, кто приценялся и кто купил, он догадался, чьих рук это дело, и поклялся отомстить: «Я научу этих негодяев отличать козу от коровы!»

В следующий базарный день Алдаркосе занял у знакомого 30 золотых, затолкал их под хвост своему ишаку и поехал на базар. Там он привязал ишака к столбу и вокруг чисто-чисто подмёл. Когда кто-нибудь приценялся, Алдаркосе значительно говорил:

- Мой ишак не простой. Вместо навоза он рассыпает золото. И стоит столько золота, сколько весит сам. Если не можете уплатить такую цену - не подходите и не мешайте!

Весть о необыкновенном ишаке облетела весь базар. Собралась большая толпа. Сорок мошенников, разумеется, тоже были тут.

- Разве ишак может столько стоить? - недоверчиво покачивали они головами.

- Вах, это ишак только по виду, - объяснил Алдаркосе. - На самом деле он весь из золота. Он рассыпает его вместо навоза. Не верите - смотрите сами! - И он ткнул ишака палкой в бок. Ишак дрыгнул ногой, поднял хвост, и на землю упало несколько золотых. Алдаркосе, даже не взглянув на монеты, продолжал: - Недаром говорят: «Нужда деревья валит». Не прижми она меня, ни за что не расстался бы с таким животным! - И он снова ткнул его в бок.

Пять или шесть золотых зазвенели, покотившись по земле.

Люди стояли, разинув рты, а сорок купцов, быстро посоветовавшись, решили купить золотиносного осла. Ссыпали они всё имеющееся у них золото - не хватило; попросили хозяина немного уступить, тот наотрез отказался. Заняли у кого могли и наскребли, наконец, нужную сумму. Отдавая осла, Алдаркосе наставлял:

- Ишак переменял место, поэтому два - три дня не будет рассыпать ни золота, ни навоза. Вы поставьте его в тёмной комнате, устеленной коврами в сорок рядов, плотно закройте дверь и замажьте её, оставив небольшое отверстие. Сорок дней кормите его через

это отверстие кишмишом и майсой. Потом откройте комнату. Она будет полна золота. После этого ишак, привыкнув к вашему дому, будет каждый день сыпать столько золота, сколько захотите.

Купцы в точности следовали наставлениям, но никакого золота не получили. От поноса ишака и ковры почти сгнили.

Вывели ишака во двор. Один из купцов стал ширять его палкой в бок, как это делал его прежний хозяин. Снова ничего не получилось. Тогда ткнул другой купец, так как первый, по его мнению, сделал это неправильно. Опять никаких результатов. Стали бить и толкать несчастное животное все сорок купцов поочередно, и бедняга окошел, пропали бешеные деньги.

Сорок купцов стали ссориться друг с другом. Один говорил, что чудо-скотину перекармлили кишмишом. Другой уверял, что осёл лопнул от майсы. Третий, самый умный, сообразил, что их просто надули.

- Что хотите, а этот человек - родственник того мальчишки, у которого мы купили корову за козу, - сказал он. - Очень они похожи друг на друга.

Остальные подумали и согласились с ним.

Между тем в народе из уст в уста передавали, как Алдаркесе провёл сорок мошенников. Где бы ни появлялись купцы, их всюду поднимали на смех.

«Мало того, что он выманил у нас столько золота, - злились они, - он нас опозорил! Только его смерть может смыть этот позор».

Алдаркесе предвидел, что с ним постараются расправиться. Поэтому он уже кое-что обдумал и ждал случая. Вскоре случай представился. От людей он услышал, что купцы должны пожаловать к нему в середине дня. С утра жена сварила большой казан самого лучшего плова, плотно закрыла его, а сверху обсыпала пылью. Алдаркесе вычистил очаг, как будто

на нем не то что сегодня, уже много дней ничего не готовили.

Пришли купцы. Алдаркосе поздоровался с ними и, не дав им рта раскрыть, спросил:

- Гости, что будете есть, плов или шурпу?

- Пусть будет плов, - ответили озадаченные купцы.

- Ну, тогда мойте руки, - сказал хозяин и поставил подготовленный казан на пустой очаг. После этого он время от времени стучал поварёшкой по ушкам казана и приговаривал: - Готовься, плов, быстрее готовься.

Купцы даже руки мыть не стали: опять плутует Алдаркосе. Какой может быть плов в этом явно пустом казане, если даже очаг под ним не разожжён?

А хозяин с женой сняли казан, расстелили сачак, подали плов. Попробовали купцы - превосходный! Разгорелся спор: каждому хотелось купить удивительный казан. После потасовки решили: приобрести в общее пользование.

Хозяин запросил столько золота, сколько вместится в казан. Купцы взвыли от возмущения, но не отступились, а стали торговаться. Сошлись на половине. Довольные, они поспешили домой и решили немедленно испробовать покупку в деле. В доме одного из них они выгребли из очага жар, поставили казан, стали бить поварёшкой по ушкам. Плова нет, как нет. Вспыхнула ссора. Кончилось тем, что и казан и поварёшка разлетелись на куски.

- Этот жулик опять нас надул! Нужно его убить, иначе нас засмеют до смерти.

Купцы снова бросились к Алдаркосе. А тот уже ждал их. Изловив двух зайцев, он велел жене начать готовить шурпу. Одного зайца он спрятал в кибитке, другого положил за пазуху и пошёл встречать «дорогих гостей». Увидев, что они бегут к его кибитке, он крикнул им как ни в чём не бывало:

- Эй, молодцы! Куда спешите?

Купцы окружили его.

- От тебя можно избавиться, только покончив с тобой! - сказал главный из них.

- Ну кто так делает? - укоризненно проговорил Алдаркосе. - Идемте сначала ко мне, там поговорим. - Он вытащил из-за пазухи зайца и сказал ему: - Беги, братец, домой, скажи жене, чтобы приготовила к нашему приходу шурпу. - Заяц в мгновение ока скрылся в кустах.

Купцы переглянулись и приняли приглашение.

- Посмотрим, на что способен твой заяц... - сказал тот же купец.

Пришли и видят: жена Косе уже приготовила шурпу и ждёт их. Заяц сидит тут же и ест морковку.

- Вах-вей! - поразились купцы. - Продай твоего зайца! - пристали они, забыв о деле, которое их привело.

- Что вы? - возмутился Алдаркосе. - Он мне самому нужен.

Но когда купцы пристанут - не отвяжешься. Уломали они хозяина и приобрели зайца за сорок золотых тюменов. Меж собой они порешили: у каждого из них необыкновенный посыльный будет по одному дню.

Первый, кому достался заяц, как только пришёл домой, тут же дал ему задание пригласить соседа-бая. Косой мгновенно скрылся из глаз. Купец ждал долго - ни бая, ни зайца. Рассердившись, отправился к баю и к стыду своему убедился, что и на этот раз он вместе с другими остался в дураках.

Снова собрались купцы и пошли к Алдаркосе. Но расплох того не легко было застать. Он подготовил новую проделку.

Когда купцы пришли, хитрец сказал им:

- Ах, братья, ведь у меня нет наследников. Всё, что я имею, останется без хозяина. Присаживайтесь, попьём

чаю, и я расскажу вам, где спрятаны мои деньги.

Услышав слово «деньги», купцы забыли о деле, которое их привело. Алдаркосе попросил жену:

- Пойди и поскорее вскипяти чай!

- Ты же сказал, что у тебя нет наследников, - язвительно ответила жена. - Раз я не наследница твоя, то и чай тебе кипятить не буду! - И на голову неблагодарного мужа посыпались проклятия.

- Женщина! - крикнул Алдаркосе. - Ты забыла своё место! Ишь чего захотела - стать хозяйкой моих богатств?! - Он схватил нож и в припадке ярости бросился на неё. Удар, и та свалилась замертво.

- Увидев, что хозяйка истекает кровью (хитрец заранее вложил ей за пазуху пузырь с кровью), купцы перепугались. «Теперь он расскажет всем, что мы убийцы его жены, - смекнули они. - Нужно скорее прихлопнуть его самого и бежать».

Краем глаза всё видеть, краем уха всё слышать - к этому Алдаркосе не привыкать.

- Зачем спешить, братья, - сказал он. - Сейчас я оживлю её, тогда и поговорим.

Он взял тюдук и стал играть над ухом мертвой. Жена сначала чихнула, потом встала и пошла кипятить чай. Купцы - вне себя от изумления.

- В чём секрет? - наперебой стали спрашивать они.

- В тюдуке, - равнодушно ответил Косе.

Купцы стали упрашивать его продать необыкновенный музыкальный инструмент. Алдаркосе сначала даже слушать не хотел. Потом сжалился над ними и согласился уступить за хум золота. Долго торговались, но хозяин оказался не из податливых. Пришлось купцам распродать всё, что у них было, занять у знакомых, Один из них сейчас же взял тюдук домой. Из-за пустяка поссорившись с женой, он убил её, а потом стал играть возле её уха, как это делал Алдаркосе. Труп холодел с каждой минутой и вскоре

совсем остыл. Всю ночь играл купец, но жена так и не воскресла.

Утром он передал тюйдук другому.

- Как у тебя дела? - спросил тот.

Первый купец, у которого всё внутри пылало от горя, сказал, будто ничего не случилось:

- Моя жена встала здоровой, как тутовник и послушной, как овечка.

Второй купец поступил точно так же. Придравшись к чему-то, поспорил с женой и убил её, а оживить, конечно, не смог. Передавая тюйдук третьему, он тоже скрыл случившееся. Так все сорок купцов убили своих жён. Рассказав всё друг другу, они поняли, что снова обмануты.

- Этот безбородый причинил нам столько вреда, что убить его мало!

Они бросились - в который раз! - к дому Алдаркосе. Но тот не дремал. Вырыв возле дома могилу, он развёл в ней огонь и положил на горячие угли длинный железный прут с тагмой на конце. Потом присыпал сверху могилу, оставив узкий вход, через который влез внутрь.

Прибежали купцы и видят: сидит в пустой кибитке жена Алдаркосе, волосы её растрепаны, по щекам катятся слёзы.

- Где муж? - спрашивают они.

- Вах, мой бедный, - стеная, отвечает женщина. - Он умер. Я, несчастная, одна осталась. Кроме меня и плакать-то о нём некому. Ох-вай-вай!..

Разочарованным купцам ничего не осталось, как посочувствовать несчастной женщине. Их утешало - проклятого безбородого больше нет! Но жажда мести искала выхода, и они, благообразно прикрыв ладонями бороды, вышли. Посовещавшись, они решили осквернить его могилу.

- Ваш дорогой супруг был очень дружен с нами, - сказал один из купцов. - Скажите, где его похоронили? Мы хотим помолиться на его могиле.

Не переставая рыдать, жена показала на свежий могильный холм.

- Никто не пришел мне помочь, - проговорила она, вытирая слезы и всхлипывая, - и я не смогла отвезти его на кладбище...

Купцы окружили могилу и сразу же заметили отдушину. «Вот то, что нам нужно!» - одновременно подумали они.

Присел над отдушиной первый купец и - подскочил, как ужаленный. Но постарался не показать вида другим. Второй вскрикнул, будто сел на иголку, и тоже скрыл причину. Так по очереди присаживались они и, не говоря ни слова, отскакивали, потирая зад - Алдаркосе «потчевал» их по порядку раскалённым железом. Не желая признаться друг другу, что их опять постигла неудача, купцы вне себя от злости, разошлись по домам.

А Косе, выждав некоторое время, вылез и поспешил к хану с жалобой.

- О всемогущий хан, - сказал он, - отец оставил мне в наследство сорок рабов, но нечестивцы совсем не слушаются меня, каждый считает себя большим баем.

Хан внимал жалобе благосклонно.

- Есть у тебя доказательства, что они твои рабы? - спросил он.

- Мой бедный отец позаботился об этом, - смиренно потупившись, ответил Косе. - Каждому из них он поставил на зад у вот такую тагму. - И показал хану железный прут, которым недавно столь успешно орудовал.

По приказу хана сорок купцов явились к нему во дворец и сняли с себя одежды. Хан убедился, что все они помечены точно такой тагмой, какую показывал ему

жалобщик. Не обращая внимания на слёзы и вопли купцов, он объявил их рабами Алдаркосе и приказал повиноваться его воле. Алдаркосе вывел их и тут же продал в рабство.

Алдаркосе и ростовщик

Алдаркосе задолжал ростовщику, но у него нечем было расплатиться, и долг рос. В надежде получить деньги ростовщик часто навевывался к должнику и порядком надоел ему. Однажды Алдаркосе увидел, что ростовщик опять идет. Сказав жене, как надо отвечать, хитрец побежал на близлежащее кладбище и улёгся в чью-то обвалившуюся могилу.

Пришел ростовщик, спросил, где хозяин. Жена, вытирая концом платка глаза, скорбным голосом отвечала:

– Бедный мой покинул этот мир и уже покоится на кладбище.

Посидев немного, ростовщик встал, так и не решившись спросить о долге, и поспешил к другому должнику, кибитка которого находилась у самого кладбища.

Алдаркосе попал в затруднительное положение. Как быть? Домой возвратиться – увидит ростовщик, лежать – голод и жажда начали мучить. По счастью, жена догадалась: взяла полчурека, кяды с водой и решила покормить мужа.

Надо же было такому случиться: увидал её ростовщик, заподозрил обман. Тихонько прокрался он следом и видит: лежит в могиле его должник и жуёт чурек. Алдаркосе тоже увидел ростовщика и сразу же перестал шевелить губами. Ростовщик глянул на покойника с чуреком в зубах, вскрикнул не своим голосом и со всех ног бросился прочь, позабыв о долге. Алдаркосе встал, стряхнул пыль с чекменя и отправился домой, посмеиваясь и что-то напевая.

Алдаркосе, ростовщик и сорок разбойников

У другого ростовщика Алдаркосе занял тюмен, обещая возвратить два. Согласиться на это условие он был вынужден, но считал его несправедливым и всячески увиливал от уплаты. Ростовщик же хотел во что бы то ни стало получить два тюмена и каждый день приходил к Алдаркосе. Обычно тому удавалось избежать встречи, и ростовщик уходил ни с чем. Но однажды он застал его врасплох. Косе ничего не оставалось делать, как лечь и притвориться мёртвым. Выслушав сбивчивый рассказ жены о том, что её супруг внезапно заболел и скончался, ростовщик, заподозривший обман, заявил:

– Косе был моим лучшим другом и не раз говорил мне: «Если умру, положи меня в мазар». – Я должен исполнить волю покойного.

Взвалив на коня тело усопшего, он повез его на кладбище. Пока они добирались до места, наступила ночь. Ростовщик втащил Косе в мазар. Вдруг туда же стали собираться разбойники – их было сорок, – чтобы разделить добычу. Ростовщик лег рядом с Косе в надежде сойти за мёртвого. Ему и притворяться-то почти не приходилось: от страха он был еле жив.

Разбойники почти всё разделили. Осталась одна сабля. Получить её хотели многие. Чтобы прекратить спор, атаман сказал, кивнув в сторону ростовщика:

– Саблю получит тот, кто разрубит вон тот труп пополам.

Ростовщик не успел вскрикнуть, как один из аламанщиков разрубил его надвое.

– Сабля моя! – обрадовался он.

Но другой с ним не согласился.

- Я тоже могу померяться силой, - сказал он. - Вот здесь лежит ещё покойник, так я сейчас разрублю их обоих одним ударом.

Алдаркосе быстро сообразил, что дело принимает скверный оборот, и завопил:

- Эй, мертвецы, сюда! Будем расправляться с живыми!

Вне себя от ужаса разбойники бросились вон из мазара. Остановились они только за пределами кладбища. Когда опомнились, стали думать, а не зря ли они трусили? Было решено послать кого-нибудь одного узнать, что происходит в мазаре.

Трепеща, приблизился посланный к мазару. Войти внутрь он не решился, только сунул голову в приоткрытую дверь.

Алдаркосе слышал крадущиеся шаги. Продолжая лежать на полу, как и полагается мёртвому, он протянул руку, схватил с головы разбойника тельпек и бросил его на труп ростовщика со словами:

- Вот тебе твоя таньга, и оставь меня в покое.

Разбойника как ветром сдуло.

- Мертвецы делят нашу добычу, - стуча зубами, сообщил он атаману. - Наверно, их там очень много, потому что каждому пришлось всего по одной таньге. А кому-то не хватило, так он поднял крик, и ему отдали мой тельпек...

Разбойники сочли за лучшее убраться подальше от этих проклятых мест. А наш друг Алдаркосе избавился сразу и от ростовщика и от разбойников.

Алдаркосе и Кази

Однажды Алдаркосе пошутил над одним человеком. Тот вскипел от обиды и вlepил ему пощечину. Давать сдачи Алдаркосе не стал, а повёл обидчика к судье. Он знал, что Кази вообще-то не отличается справедливостью. Кроме того, обидчик был его приятелем. Но все-таки Косе решил посмотреть, что из этого получится.

- Я его не бил и не думал бить, - сказал виновный.

- Как так не бил?! - возмутился Косе. - Смотри, щека до сих пор горит.

Но Кази не обратил внимания на веское доказательство.

- Приведи свидетеля, - сказал он.

- Я могу тоже привести! - нагло заявил обидчик.

Судья охотно отпустил его за свидетелем.

Прошёл час, другой, третий... Ни виновный, ни его свидетель не появились. Алдаркосе предвидел это.

- Я очень спешу, почтенный кази, - сказал он, приблизившись к судье, - и мне некогда ждать возвращения должника. Придётся взять долг у тебя, а ты потом взыщешь с него. Всё равно ведь сидишь тут весь день. Вот и дождёшься.

С этими словами он так стукнул кази по уху, что у того в глазах потемнело и он не увидел даже, куда ушел Алдаркосе.

Вещая птица

В одно из своих странствий Алдаркосе удалось как-то случайно поймать сороку. Подумал-подумал он, что с ней делать, и, на всякий случай, положил за пазуху. Вскоре показался аул, и он решил заночевать в нём. Постучался в первую попавшуюся байскую кибитку. Самого бая дома не было, а жена встретила его неприветливо. Дала на ужин лишь кусок чёрствого чурека. Рассердился гость и от обиды не мог уснуть. Вдруг в дом кто-то потихоньку вошёл. Косе подумал было, что вернулся хозяин, и хотел встать, но увидел, как навстречу вошедшему вспорхнула хозяйка и, сделав тому знак молчать, показала на лежащего гостя. Косе притворился спящим и скоро понял, что поздний посетитель – любовник. Хозяйка была с ним ласкова и предупредительна. Не успел он усесться на ковер, как перед ним появился роскошный ужин.

Утром появился хозяин. Алдаркосе обрадовался возможности сытно позавтракать. Но хозяйка и мужу подала чёрствый чурек. Отдохнув, бай снова уехал присматривать за батраками. Алдаркосе решил задержаться и сказался больным.

Ночью всё повторилось. Опять явился любовник, опять они с хозяйкой пировали, а Косе пришлось лишь глотать слюнки.

Наутро приехал уставший хозяин. Жена поставила перед ним снова чёрствый чурек и простывшую шурпу.

Алдаркосе уже знал, где держит неверная супруга вкусную еду. Сидя с хозяином за скудной трапезой, он не переставал думать о жирном плове. Вдруг его осенило. Он придавил сороку, что сидела у него под рубахой.

– Вык! – прохрипела она.

- Что это у тебя? – удивился бай.
- Так, птичка одна, – небрежно ответил Косе. – Я никогда с ней не расстаюсь.
- Почему?
- Видишь ли, бай-ага, это особая птица. Когда она узнает что-то интересное, обязательно сообщает мне.
- Что она узнала сейчас?
- Да вот, говорит, что вон в том сундуке стоит жирный плов.

Бай недоверчиво усмехнулся, но в сундук все-таки заглянул. Там стоял полный казан свежего плова. Хозяин и гость вволю полакомились, и Косе стал рассказывать такие чудеса о своей всезнающей сороке, что хозяин не успевал охать и ахать. Время летело незаметно, оба уже опять проголодались. Алдаркосе прижал сороку, и она опять:

- Вык!
- А теперь что она говорит? – нетерпеливо спросил бай.
- Что вон в том сундуке спрятана превосходная коурма.

Проверили: так и есть! Снова поели с удовольствием.

Хозяйка была в отчаянии. Бай стал уговаривать гостя продать ему диковинную птицу. Алдаркосе долго не соглашался, а потом, когда тот пообещал за неё сорок тюменов деньгами да ещё хорошего ослика впридачу, уступил.

Поладив, они вышли во двор, поставили у кибитки слегу и на верхушке её привязали сороку. Очень довольный, Алдаркосе отправился дальше, а не менее довольный бай поспешил на поле, где работали батраки.

Вечером снова пришёл любовник. Но свидание не было таким счастливым, как прежде.

- Этот окаянный проходимец, - сказала женщина со слезами на глазах, - продал мужу вещь птицу. Она показала им, где я прячу еду для тебя, и они всё сожрали.

- Эта вот сорока? - парень удивленно посмотрел вверх и пнул слегу ногой.

- Вык! - пронзительно вскрикнула заснувшая было птаха. Бай услышал крик сороки. «Интересно, что ещё узнала она?» - подумал он и бросился домой. А в это время молодой человек, сидя на ковре против хозяйки, подкручивал усы и кидал на неё выразительные взгляды. Вздув неверную супругу и её обожателя, бай пустился догонять Алдаркосе. «Это в самом деле бесценная птица, - думал он, - а я обманул бедного путника, купив её так дешево! Нужно дать ему ещё денег!» Вскоре впереди показалось облачко пыли - это трусил на ослике Алдаркосе.

- Постой! Подожди... - закричал бай.

Но наш приятель решил, что бай обнаружил обман и хочет отобрать у него осла и деньги. Понятно поэтому, что он не остановился, а, напротив, пришпорил своего серого «скакуна».

Бай не смог догнать Алдаркосе. Не будем о том жалеть. Сорок тюменов и славный серенький ослик - хорошая цена за сороку, даже если она - вещунья.

Ёлбарс

Алдаркосе ехал в одну кала – крепость. Приблизился и видит окружили её враги со всех сторон. Он спешился, сел на обочине дороги и задумался: «Как же проникнуть к осажденным?» В голове быстро созрел дерзкий план. Отрубив ишаку уши и хвост, он во всю прыть погнал его прямо на осаждающих. Не успели они опомниться, как он был уже внутри кала.

Жители крепости столпились вокруг странного пришельца.

– Что это у тебя за скотина? – спрашивали они. (Бедного ишака нельзя было признать в этом бесхвостом и карнаухом животном.)

– О, это Ёлбарс! – важно отвечал Косе. – Тигр тигров. Никаких препятствий для него не существует, никакие враги ему не страшны!

– Может он снять осаду с нашей крепости? – поинтересовался кто-то.

– Бе, что за вопрос? Конечно!

Пришельца отвели к хану, и тот купил диковинного тигра оплатив его вес золотом. По совету Алдаркосе хан попросил у врага перемирия на сорок дней, якобы для сбора выкупа. На самом деле решили использовать передышку для того, чтобы хорошенько откормить «Ёлбарса». Его поместили в тёмную комнату и дали вволю кишмиша и гороха.

Миновали сорок дней. Осёл стал жирным, как свинья. Алдаркосе завязал ему глаза, вывел из темной комнаты и навьючил на него странный груз: с одной стороны – сорок мешков с мукой, с другой – сорок мешков с золой. Между мешками приторочил сорок обнаженных сабель, сверху привязал сорок пустых

кяды, а под брюхом и по бокам, где придется, – сорок кур.

Между тем осаждающие подступили к самым стенам кала, требуя выкупа. Алдаркосе подвёл осла к воротам, снял с его глаз повязку. Сытый, застоявшийся ишак почуял кобылиц, что были у неприятельских конников, заревел и потащился к ним. Шашки проткнули мешки, и вокруг чудища за клубились облака: с одной стороны – белое, с другой – чёрное, и закрыли собой солнце. Сабли звенели, тыквы грохотали, перепуганные куры истошно кудахтали, да и сам ишак, безухий, бесхвостый трубил, не умолкая.

Совершенно не в состоянии понять, что за чудовище тащится, враги в ужасе бежали прочь. Даже то, что оно двигалось медленно (ишак ведь был тяжело нагружен), их не успокоило. «Опасен тот, кто тихо бежит», – твердили они и погоняли коней. Скоро они совсем скрылись из виду и никогда больше не показывались в этих местах.

Выгодная сделка

Как-то ночь застала Алдаркосе вдали от дома, и он попросился переночевать к одному мулле. Жена хозяина была женщиной весьма лёгкого нрава и имела двух любовников. Надо же было такому случиться, что в эту ночь они оба явились её навестить. Столкнувшись у кибитки любовницы, они сразу узнали друг в друге соперников и схватились за ножи. На шум выскочил хозяин. Не понимая в чём дело, он бросился разнимать драчунов, и они убили его, а потом прикончили друг друга. От криков проснулись хозяйка и гость. Увидев во дворе три трупа, женщина запричитала: «Что же теперь делать, вай-вай?!» Задумался и Косе: придут люди и скажут, что это он убил всех троих; тогда ему несдобровать.

В раздумье вышел он со двора и увидел, что по дороге идёт какой-то человек. Алдаркосе подозвал его и сказал голосом, полным скорби:

- Друг, у меня умер старый отец, а я болен, и похоронить его не могу. Не сделаешь ли ты это угодное богу дело?

Прохожий согласился, испросив себе в награду десять тюменов. Алдаркосе вынес ему труп хозяина и предупредил:

- Только имей в виду, он может выбраться из могилы и прибежать назад. Закопай его поглубже, иначе денег не получишь.

Человек вырыл яму по пояс глубиной, закопал в неё мертвеца и поспешил за вознаграждением. Между тем Алдаркосе приготовил второй труп.

- Эх, говорил же тебе, закопай его поглубже, - строго сказал он прохожему. - Видишь, он назад прибежал!

Человек удивился, поднял на плечо второй труп и поволок его хоронить. На этот раз он вырыл яму в человеческий рост. Когда он пришел за деньгами, мертвец лежал уже у ворот. Конечно, это был третий труп, но человек того не знал и очень разозлился на покойника, который ухитрялся возвращаться. А тут еще Косе набросился на него с бранью:

- Если не можешь дела сделать, так не берись!

Неудачливый могильщик взвалил на спину третий труп и пошел, бормоча проклятия. По дороге ему попался овраг, на дне которого была огромная яма, полная воды. Швырнув покойника в неё, он пригрозил:

- Попробуй только вылезти! - и стал ждать. А в водоеме в это время купался бездельник-сопи. Как только мертвец свалился на него, он, позабыв даже одеться, выскочил и бросился наутёк.

- Ах, ты шайтан! - вскричал взбешенный могильщик. - Ну, теперь за всё получишь! - Он выхватил нож и припустился за убегающим. Догнав, убил его и бросил в ту же яму. Подождал немного - не вылезет ли он снова - и, успокоенный, пошел к Алдаркосе получать свои десять тюменов.

Первый раз в жизни

Однажды Алдаркосе отправился на базар. Навстречу ему попался человек с густой, окладистой бородой. Посмотрел на него Косе, рассмеялся и спрашивает:

- Эй, друг, почём сегодня овчина на базаре?

Густобородый спокойно отозвался:

- Сегодня овчина в цене, а вот на кожу - никакого спроса.

И Косе не нашелся, что ответить. Первый раз в жизни.

Алдаркосе, купцы и падишах

Ехал как-то хитроумный Косе по своим делам и догнал двух купцов. Вид у них был необычный: у одного волосы на голове седые-седые, а борода чёрная, у другого – седой была правая сторона головы и бороды, а левая – совершенно чёрной. Во всём прочем они были купцы, как купцы: глупые, жадные, трусливые. Захотели они присоединиться к Косе, ведь ехать втроем и безопасней, и веселее.

Повстречал путешественников падишах со своей свитой. Его поразил столь необычный вид всадников, ибо наш друг Косе тоже выглядел не как все: голова седая, а подбородок совсем без волос. Падишах пожелал расспросить их о странном обличье, и визирь приказал стражникам привести их.

– Я догадываюсь, зачем падишах нас позвал, – сказал Косе купцам. – Он хочет знать, почему у нас такой вид. Если мы удачно ответим, то нас наградят, а если нет – наверно, лишат жизни.

Купцы приуныли. Они не знали, как отвечать.

– Хотите, научу? – спросил Косе. – Только, чур, награду, которую получите от падишаха, отдадите мне.

Купцы согласились.

Алдаркосе угадал верно. Не успели они приблизиться, как падишах задал вопрос одному из них:

– Почему у тебя на голове седые волосы, а в бороде чёрные?

Купец ответил так, как учил его Алдаркосе:

– Потому, пресветлый падишах, что волосы в бороде на двадцать лет моложе волос на голове; через двадцать лет борода тоже станет седой.

Второй купец, отвечая падишаху, сказал, что у него есть две жены: одна – добрая и ласковая, а другая –

злая и сварливая. Та сторона, с которой всегда сидит сварливая жена, уже поседела, а та, с которой добрая, – еще чёрная.

Наста черёд Алдаркосе.

– Голова у тебя седая, а подбородок почему-то ещё гол, как у ребёнка.

– Всё потому, великий падишах, – сказал Косе, – что от пояса и ниже я похож на отца, а выше пояса – на мать.

Падишах рассмеялся и велел наградить всех троих богатыми одеждами. Алдаркосе взял не только то, что ему причиталось, но и то, что было даровано купцам.

– Почему ты так поступаешь? – удивился падишах.

– Они знают почему, – кивнул он в сторону купцов. Те, помявшись, вынуждены были рассказать, как было дело. Падишах пришел в восторг от находчивости безбородого и подарил ему ещё два халата.

Посев верблюдов

Чтобы удобрить своё поле, Алдаркосе рассыпал по нему верблюжий навоз. Проезжал мимо хан и очень удивился.

- Эй, безбородый, что ты делаешь?

Косе, взгляд которого в это время упал на валявшийся неподалеку верблюжий череп, взял да сказал:

- Верблюдов сею, хан-ага. А что?...

- Разве можно их сеять?

- А почему же нет? Вон, видите, череп? Это от прошлогоднего урожая. Он вовремя не созрел, и я его не стал убирать.

- Сколько же ты надеешься собрать в этом году?

- Да верблюдов сто, - подумав для виду, ответил хитрец.

Хану как раз очень нужны были верблюды, и он, почти не торгуясь, закупил весь урожай на корню, причем половину денег заплатил тут же.

Подошел условленный срок, но о Косе ни слуху, ни духу. Хан рассердился и послал за ним стражников - ясаулов. Те вознамерились было потащить Алдаркосе во дворец, но он упросил их сначала пойти на поле. А в поле он заранее понавтыкал несколько пар верблюжьих ушей и хвостов.

- Видите, только всходить начинают, - сказал он.

Ясаулы посоветовались между собой и уехали. Во дворце они сообщили, что верблюды скоро взойдут, а значит, и созреют. Хан решил ещё подождать. Но напрасно.

Косе предвидел, что рано или поздно ханские слуги снова заявятся, и подготовился. А они не заставили себя ждать. Примчались на взмыленных конях, спешили и

- в кибитку. Видят, сидит закутанная с головой девушка.

- Где безбородый? - спросила стража.

- Откуда мне знать, - ответила та, плотнее прикрывая лицо. - Я сама не вижу его уже несколько дней.

Ясаулы вернулись к хану.

- Раз нет Косе - заберите его дочь, - приказал он стражникам.

Девушку привели. Она показалась хану ещё совсем молоденькой, не сформировавшейся. Поместили её с дочерьми хана.

В это время один богатый бай - придворный - собрался женить сына. Хан предложил ему взять гелии - невестку из девушек, находящихся у него во дворце. Старуху, которая присматривала за девушками, он послал выбрать самую юную. Старуха и выбрала Алдаркосе - это был, конечно, он! Хан собрал народ, устроил той.

Ночью байский сын вошел к молодой жене и обнаружил, что перед ним мужчина. Он не стал выяснять обстоятельств - испугался позора, который падёт на его голову - и счёл за лучшее бежать из дома.

Бай ума не мог приложить, куда и почему скрылся его сын.

Жены и дочери бая ни на шаг не отходили от невестки. Так прошло несколько дней. Наконец, Косе удалось одному выйти ночью во двор. Увидев у входа в кибитку большую деревянную ступу-соки, он набросил на неё свой халат и был таков.

- Отчего так долго не возвращается гелин? - забеспокоились дочери бая. Вышли во двор, увидели, что она сидит, успокоились и вернулись в кибитку.

А Косе был уже далеко. Идет день, другой, третий. Встретился с погонщиком верблюдов. Парень гнал голов сто - целое стадо. Дальше пошли вместе.

Пригляделся к спутнику Алдаркосе и узнал в нём... своего «мужа»! Он принялся рассказывать парню историю о том, как один бай женил сына, как сын сбежал в первую же ночь, а жена одеревенела с горя.

«Значит, отвязался!» – подумал байский отпрыск и бросился домой, забыв про верблюдов. Этого-то и ждал Алдаркосе. Повернув стало, он погнал его прямо во дворец. Хану он сказал с упрёком:

– Я, не жалея сил и времени, выращивал для вас верблюдов, а вы не хотели ждать и забрали мою единственную дочь.

Не по себе стало хану. Чтобы как-то оправдаться перед Косе, он приказал дать ему деньги – гораздо больше, чем оставшаяся половина обещанной суммы – и подарил двух девушек из своего дворца.

Пожалуй, не сумею

- Правда, что Алдаркосе может любого обмануть? - спросил сын своего отца-бая.

Тот ответил утвердительно.

- Вах, меня он ни за что не проведёт! - воскликнул самонадеянный юноша.

- Занимайся своим делом! - осадил его отец. - Много таких умников находилось, да все они дураками оказывались.

Но сын не послушался и при первой же возможности отправился к Алдаркосе. Разыскал он кибитку прославленного обманщика, вошел, поздоровался и спросил у хозяина:

- Вы и есть Алдаркосе?

- Да, - ответил тот.

- Говорят, вы можете обмануть каждого? Если так - попробуйте обмануть меня!

Косе пристально посмотрел на юнца и ответил, покачивая головой:

- Вас я, пожалуй, не сумею...

- Вот и я то же говорил! - запрыгал от восторга байский сын.

- А ну-ка, юноша, сними-ка обувь, - попросил Косе. - Мне нужно взглянуть на твои ноги.

Парень послушно разулся. Косе с сосредоточенным видом осмотрел его ноги со всех сторон, а потом сказал:

- Человека с такими ногами обмануть нельзя! Вне себя от гордости примчался сын к отцу.

- Ну, что я говорил! Алдаркосе не смог меня обмануть.

- Как было дело? - недоверчиво спросил бай и, когда сын рассказал, схватился за голову: - Горе мне,

ты опозорил наш род, мальчишка! Если других он просто обманывал, то над тобой еще и посмеялся.

Алдаркосе и дочь падишаха

Шел как-то Алдаркосе и повстречал юношу. Тот, вместо того, чтобы приветствовать старшего, поспешно отвернулся. Алдаркосе снова вышел ему навстречу. Тот опять отвернулся и даже сошел с дороги. Алдаркосе повторил все в третий раз. Когда они сошлись лицом к лицу, Алдаркосе спросил:

- Почему ты меня избегаешь?

Парень ответил:

- Перед смертью отец позвал меня и сказал: «Ты ещё молод и не можешь отличить ложь от истины, поэтому старайся избегать безбородого».

Алдаркосе стало обидно и горько. «Никогда не обманывал я честных людей, особенно если они бедны, - думал он. - И все-таки некоторые из них не доверяют мне и опасаются. Вот и этот джигит явно честен и беден, а поди ж ты... Надо сделать ему добро, пусть изменит своё мнение».

- Вот что, друг мой! - мягко сказал Алдаркосе. - Знай, что я никогда не обижаю людей, которые меня не трогают. Своей невежливостью ты оскорбил меня, но я прощаю твоей молодости и хочу помочь тебе. Куда ты идешь?

Юноша рассказал, что до него дошел слух, будто у падишаха есть дочь прекраснее гурий из садов пророка. Каждый, кто заплатит десять тюменов, может посмотреть на красавицу. Вот он скопил нужную сумму и торопится узреть луноликую деву.

- Зачем тратить на это десять тюменов? - усмехнулся Косе. - Хватит и одного крана.

Юноша с радостью вручил Алдаркосе монетку, и они отправились на базар. Купили там козлёнка, приволокли его к падишахскому дворцу, как раз под

окна царевны, свалили его наземь и Косе поранил его в нескольких местах. Бедный козлик забился в судорогах, испуская неистовые крики. Сам Косе тоже стал охать и вскрикивать. Кончилось тем, что царевне захотелось узнать, что за странный шум у её окна, и вышла на балкон.

- Смотри на неё! - шепнул хитрец юному другу.

Тот и рот раскрыл от восторга.

- Что вы делаете с козленком? - спросила дочь падишаха голосом нежным, как у птицы.

- Хотели зарезать его на обед, но что-то не получается, - развел руками хитрец.

- Перережьте бедному животному горло, - посоветовала девушка.

Алдаркосе так и сделал.

- Сагбол, спасибо, красавица, сагбол, - забормотал он и быстро снял с козленка шкуру, повесил тушку на сук и развёл под ней огонь. Мудрено сварить обед таким образом. Дочь падишаха улыбнулась, покачала головой и велела одной из своих служанок вынести этим смешным людям казан. Косе рассыпался в благодарностях. Потом он поставил казан кверху дном, примостил на нём тушку и снова разжег костёр.

- Казан нужно перевернуть. Тогда только мясо будет жариться, - сказала царевна сквозь смех.

Косе сделал все, как она ему советовала. Когда мясо было готово, они взяли по куску и, притворяясь, что не умеют есть, стали тыкать ими, то в нос, то в уши. Царевна и её служанки хохотали, не таясь.

- Приведите сюда этих чудаков, - сквозь смех и слезы приказала она.

- Разве так едят? - спросила царевна у странных путников.

- А как? - наивно любопытствовал Косе. - Нас всегда кормили жены своими руками, и мы понятия не имеем, как они это делали.

Царевна, чуть не падая от смеха, жестами велела своим девушкам покормить их. Когда закончилась эта трапеза, неоднократно прерываемая взрывами хохота, было уже совсем темно.

- Как же мы теперь пойдём в свой аул? Мы боимся... - захныкал Алдаркосе. Юноша тоже скорчил плаксивую гримасу.

Дочь падишаха приказала устроить неожиданных гостей на ночлег в одной из комнат своих покоев. Их уложили, укрыли одеялами и ушли. Но они не долго лежали смирно. Продырявили одеяла посредине, просунули в отверстия головы и принялись бить друг друга подушками. Шум подняли невообразимый.

- О боже, что творят там эти сумасшедшие? - забеспокоилась царевна. - Они всех перебудят.

Она встала и, позвав одну из служанок, отправилась с ней в комнату смешных гостей.

- Что случилось с вами? Отчего вы так шумите?

- Когда мы ложимся спать, наши жены ложатся вместе с нами, - сказал Косе. - Глядя на них, и мы засыпаем. А сегодня их нет, и мы не можем уснуть.

Безбородый хитрец стукнул приятеля подушкой. Тот дал сдачи. Потасовка возобновилась, а с нею и дикий шум.

- О, перестаньте! - взмолилась девушка. - Вы опозорите меня перед людьми!

Куда там! Потасовка разгорелась с новой силой. Царевна задумалась. Если выгнать этих бесноватых, они наверняка попадутся на глаза ночной страже, а та доложит падишаху. Будет неприятность. Если оставить их - на шум рано или поздно сбегутся люди, и падишах всё равно узнает, что в её покоях ночевали мужчины... Опять позор! Не найдя другого выхода, дочь падишаха легла рядом с Алдаркосе, приказав служанке разделить ложе с парнем.

Пробудившись чуть свет, Алдаркосе залез на самую высокую башню падишахского дворца.

- Что ты собираешься делать? - изумилась царевна.

- Мне пора выкрикивать свой азан, - важно сказал Косе и сложил руки, приготовившись к молитве.

- Не делай этого! - взмолилась девушка. - Если падишах узнает, что вы тут ночевали, он убьёт нас всех!

Но Косе встал на колени и сделал вид, что собирается заорать.

- Не кричи, я дам тебе сто тюменов, - быстро сказала дочь падишаха.

Косе не обратил на неё внимания.

- Двести тюменов...

Хитрец и ухом не повёл.

- Триста тюменов! - в отчаянии крикнула царевна.

Вот это другой разговор. Получив триста тюменов, Косе отдал половину своему юному Другу, и они отправились по домам.

Алдаркосе, лиса и дэвы

Алдаркосе шел за хвостом и повстречал лису.

- Если ты отдашь мне сгой чурек, я соберу тебе хвост, - предложила рыжая проказница.

Алдаркосе отдал, а сам улёгся в холодке спать. Проснулся и видит: нет ни лисы, ни хвоста. «Вах, плутовка провела меня, - с досадой подумал он. - Ну, ничего, ты мне ещё попадешься!» - Собрал несколько веток и пошёл домой.

На следующий день он опять был в лесу. Лисица и на этот раз вышла ему навстречу. Она вывалялась в пыли, надеясь, что он примет её за другую.

- Эй, человек! - крикнула она. - Хочешь, я соберу для тебя хвост? Но за это ты отдашь мне свой чурек.

Алдаркосе узнал обманщицу и бросился, чтобы схватить её, но лиса умчалась быстрее ветра. Он побежал за ней и по дороге наткнулся на фазана, высиживающего яйца. «Пригодится», - решил он и положил птицу за пазуху, а яйца в карман. Потом ему попалась черепаха. Её он тоже прихватил. Наконец он наткнулся на труп ишака. На всякий случай оторвал у него хвост и присоединил его к другим находкам.

Желание настигнуть рыжую нахалку не покидало Косе, и он всё шёл и шёл по её следу и даже не заметил, как оказался перед незнакомой горой. Обойдя её, он увидел вдали какие-то серые бугры. Подошел ближе и разглядел, что это уселись в кружок сорок дэвов и бьют друг у друга вшей. Дэвы тоже увидели Косе.

- Эй ты! - сильнее грома прогремел один из них. - Разве ты не знаешь, что если сюда залетит птица, у неё отпадают крылья, если забредет кулан - теряет копыта?!

- Я не птица и не кулан, я человек и ничего не боюсь, - спокойно ответил Алдаркосе.

«Наверно это не простой человек, - решили дэвы. - Он совсем нас не боится. Нужно избавиться от него пока не поздно».

- Эй, человек, давай сравним наших вшей, - предложил один из дэвов.

- Давай, - согласился Алдаркосе.

Дэв почесал в голове и вытащил насекомое величиной с кулак. Косе вытащил из-за пазухи черепаху.

- Ба! - удивился первый дэв. - У него и размером больше, и тверже наших.

- А какие у тебя блохи? - спросил второй дэв и показал свою блоху, величиной в два кулака.

Косе вытащил фазана, тот подскочил вверх и полетел в свое гнездо.

- Вот так блоха! - сказали дэвы и поглядели на человека с опаской.

Третий дэв предложил сравнить волосы. Он вырвал у себя волос, а Алдаркосе вытащил ослиный хвост.

- Ну и волосы у него! - ещё больше поразились дэвы.

Четвёртый дэв, чтобы испугать необычного человека так топнул ногой, что до самого неба поднялся столб пыли. Алдаркосе воспользовался этим и закопал в землю яйца фазана. Когда пыль улеглась, он сказал презрительно:

- Поднять пыль и дурак может, а вот попробуйте выжать из земли масло.

Дэвы спросили с недоверием:

- А ты разве выжмешь?

- Сколько угодно, - пожал плечами Косе.

- Ну так мы тем более!

Дэвы принялись толочь, мять, давить землю и скоро превратили её в песок, но ничего путного у них не

получилось.

- Эх, вы! - с сожалением сказал Алдаркосе. Он стал на то место, где зарыл фазаньи яйца, и земля моментально стала жёлтой.

Дэвы затрепетали. Они ещё больше укрепились в своём намерении избавиться от этого страшного человека, но виду не подали. Наоборот, почтительно осведомились, не желает ли человек быть их гостем.

- Если сумеете угодить мне, - проговорил Косе, - пожалуй, можно.

Дэвы пригласили Косе обедать. Он снисходительно принял приглашение, но заявил, что привык есть один, в отдельной комнате, без помех.

- А мы все сорок едим из одного котла, - сказали дэвы. - Как же быть? Сделаем так: вот в этой пещере варится наш обед, входи и ешь, а мы пообедаем после.

Алдаркосе вошёл и увидел, что в огромном казане варится мясо. Он съел, сколько хотел, а остальное выбросил в яму.

- Больше у вас ничего нет? - спросил он, выйдя из пещеры. - Я только-только червячка заморил...

Дэвы поспешили в пещеру и увидели: казан пуст. «Ну и аппетит у этого человека, - расстроились они. - Если не убьём его, он нас с голоду уморит».

Наступила ночь. Дэвы сказали:

- Храбрый пальван-богатырь, мы любим спать спокойно, посмотри, чтобы никто нам не мешал, а следующую ночь мы будем стеречь твой сон.

- Согласен, - отозвался Косе. Он взял шубу, принесённую дэвами, и вышел из пещеры. Убедившись, что за ним не следят, он пристроил её на куст недалеко от входа, а сам забрался в расщелину и спокойно заснул. Выглянули дэвы, увидели шубу и давай кидать в неё огромные камни; всю завалили и, успокоенные, вернулись досыпать. Утром Алдаркосе, живой и невредимый, приветствовал их, как ни в чем не бывало.

Дэвы переглянулись, потом один из них спросил:

- Эй, человек, пойдёшь с нами за дровами?

- А чего ж, можно...

- Держи топор, - один из дэвов протянул ему огромную железную глыбу. Алдаркосе и тут нашёлся:

- Я привык собирать дрова без топора, - ответил он.

Пришли в лес. Взмахнёт какой-нибудь дэв гигантским топором - валится огромное дерево. В пять минут выросла целая гора дров. Алдаркосе сидел на пне и думал, как бы выйти из этого затруднения и посрамить чудовищ. Но такой уж он был человек: ему больше времени требовалось на то, чтобы обуть чарыки, чем придумать что-нибудь. Вскарabкался наш хитрец на дерево и начал связывать его ветки. Перелез на второе и сделал тоже.

- Вах, что ты делаешь, сын человека? - удивились дэвы.

- Буду выдёргивать деревья пучками, так быстрее, - ответил Косе.

«Он весь лес повалит,» - испуганно подумали дэвы и заявили, что на сегодня хватит дров.

Ночью они опять стали просить могучего и отважного гостя посторожить их. Косе согласился. Как и прошлой ночью он набросил шубу на куст, а сам спрятался и заснул. Злые дэвы вскипятили огромный казан воды, вышли потихоньку из пещеры и вылили кипяток на шубу, а сами улеглись спать в полной уверенности, что теперь они избавились от гостя.

Едва рассвело - в пещере появился Алдаркосе. Вид у него был неказистый - как у мокрой мыши. Но сам он был здоров и весел.

- Как ты провёл ночь, сын человека? - спросили потрясённые дэвы.

- Недурно, - улыбнулся Алдаркосе, - только вот шуба промокла: ночью лил тёплый дождь.

«Что за наказание!» – Дэвы пришли в ярость. Из уст и ноздрей у них повалил дым и показалось пламя. Поднялся вихрь. Один из них бросился на Алдаркосе. Но тот уже как пушинка летал под сводами пещеры.

– Эй, батыр, – с насмешкой прокричали дэвы, – что ты там делаешь?

– Я, кажется, начинаю злиться, – отозвался Алдаркосе, – и думаю, на ком бы из вас сорвать своё зло.

Дэвы перетрусили. Один из них поймал Косе и поставил его на землю. Почувствовав, как человек лёгок, он опять обнаглел и предложил тому бороться. Алдаркосе принял вызов. Дэв схватил его огромной ручищей за шиворот и поднял высоко над головой. У Косе глаза чуть не вылезли из орбит. Дэвы опять стали над ним потешаться.

– Что это у тебя с глазами, пальван?

– Смотрю и намечаю, кого из вас я брошу в море, кого на гору, а кого – на звёзды, – ответил Косе.

Дэвы затрепетали. «Нет, нам его не убить, лучше проводим его по чести», – решили они и спросили, не хочет ли человек возвратиться домой.

– Заплатите, тогда уйду, – сказал Косе.

Дэвы не могли понять, за что они должны платить.

– Не тратьте время на пустую болтовню! – оборвал их Косе. – Я уйду домой только при условии, что один из вас понесёт меня, а другой плату – хум золота.

«Пропади пропадом всё золото, лишь бы убрался, наконец, этот человек, от которого ни минуты покоя,» – подумали дэвы. Один взял хум золота, другой подхватил Косе, и они понеслись.

– Слов нет, ты могуч, человек, – сказал тот, что нёс Алдаркосе. – Но уж больно мало ты вешишь.

– Это потому, что я за небо держусь, – сказал Косе. – Если б я всей тяжестью на тебя навалился, ты бы иначе думал.

- А ну, навались...

Косе взял шило и воткнул его дэву в затылок.

- Ай-ай! - взвыл тот. - Хватайся скорее за небо, сын человека!

Когда Алдаркосе оказался дома, он пригласил дэвов отобедать у него в кибитке. Они отказались. Тогда он крикнул жене.

- Принеси сюда!

Жена сразу поняла мужа, как нужно отвечать, недаром она столько лет прожила с ним в мире и согласии.

- Сегодня у нас обед опять из дэвов. Не знаю, понравится ли он тебе. Остались только две головы. Какую подать? От чёрного дэва или белого?

«Этак они и нас сварят!» - мелькнуло у чудовищ, и они скрылись в мгновенье ока.

Долетев до леса, они спустились на землю. Навстречу им лиса, та самая, что обманула однажды Косе.

- Куда вы, дэвы? - спросила она.

- Вах, мы чуть было не попали на обед к одному безбородому, - дрожа от страха, ответили они в один голос.

- К безбородому? Знаю этого человека, всегда съедаю его чурек. Идёмте со мной. Я его обману, а вы убьёте.

- Ты и нас обманешь! - сказали дэвы.

- Если не верите, то давайте свяжемся одной верёвкой, - предложила лиса.

Дэвы согласились.

Алдаркосе увидел эту троицу и смекнул в чём дело.

- Салам, лиса, - сказал он своей старой знакомой. - Почему ты ведёшь только двух дэвов? Ведь твой отец должен мне сорок штук!

«Вот, негодная, она хочет отдать нас в счёт долга своего отца!» - подумали дэвы и понеслись прочь.

А так как привязанная к ним лиса за ними не могла угнаться, то они тащили её до тех пор, пока от неё не осталось не только шкуры, но и костей.

Алдаркосе и шайтан

В искусстве обводить вокруг пальца Алдаркосе достиг такого совершенства, что шайтанам после него нечего было делать. Бедняги обратились за помощью к своему старшему, которого звали яшули Азазыл. Тот выслушал их и решил сам проверить, насколько справедливы все эти разговоры. Приняв облик пожилого и дородного муллы, он появился перед Алдаркосе.

- Дошло до меня, о великий хитрец, что ты мастер обманывать, - сказал староста шайтанов. - Сумеешь ли меня обмануть?

- Сумел бы, да вот жалость - обманное дерево оставил дома, - ответил Косе.

- А ты пойдди принеси его, - предложил шайтан.

- Хорошо, - согласился Косе. - Только вам, яшули, придётся в моё отсутствие подержать стену, чтобы она не упала (он в это время стоял, прислонившись к ней).

Старый шайтан подпер плечом стену и стал ждать возвращения Алдаркосе. Терпеливо простоял он до вечера, но безбородый не пришёл. Тогда шайтан, с силой оттолкнувшись от стены, отскочил, опасаясь, чтобы она его не придавила. Но та стояла как ни в чём не бывало. Понял шайтан, что его обманули, и, сгорая от стыда, удалился. С тех пор он стал тенью Алдаркосе: повсюду ходил за ним в надежде, что представится случай отплатить той же монетой.

Как-то раз шайтан, принявший облик почтенного старца, и Алдаркосе оказались рядом на праздничном тое. Хозяева расстелили перед гостями сачак и подали баранью голову. По обычаю она ставится перед старшим из собравшихся. Алдаркосе спросил у своего соседа-шайтана, сколько ему лет.

- Я родился на сто лет раньше всего живого на земле, - важно ответствовал тот.

Алдаркосе прикрыл лицо руками и захныкал, делая вид, что плачет. Все заволновались, стали спрашивать, в чём дело.

- Как вспомню, так не могу удержать слёз, - тяжело вздохнув, сказал он. - В день рождения этого яшули я потерял своего младшего сына; он был тогда уже взрослым юношей... Такой был славный!..

Баранью голову поставили перед ним.

Потерпев поражение, шайтан всё же не отказался от мысли расквитаться. Как-то он появился в кибитке Косе и предложил ему вместе вести хозяйство. Тот согласился. Решили посеять лук. Шайтан не один десяток дней трудился в поте лица, пока созрел урожай.

- Какую часть возьмёшь, - спросил у него Косе, - ту, что в земле, или ту, что над землёй?

«Что он меня, за дурака считает?» - подумал шайтан и поспешно сказал:

- Над землёй!

Выкопали они лук и повезли на базар. Все берут головки и никто - сухие стебли. Шайтан понял, что опять его обвёл безбородый.

На следующий год шайтан снова явился и стал договариваться о совместном хозяйствовании. Косе ничего не имел против. Посеяли кукурузу. Когда она созрела, Косе спросил напарника:

- Какую часть...

- Ту, что в земле, - не дав ему даже договорить, сказал шайтан. А про себя не без гордости подумал: «Больше ты меня не надуешь!»

Отправились на базар. Алдаркосе опять выгодно продал свою долю, а шайтан - уехал ни с чем.

Как-то отправился Косе по делам. Староста шайтанов, по обыкновению, сопровождал его.

Поболтали они о том о сём и решили петь песни. Пели-пели и додумались: пока один поёт, другой везёт его, кончается песня – они меняются местами.

– Пой ты первый, – предложил Косе.

Шайтан влез ему на спину и запел. Поёт, а Косе везёт его. Только песня скоро кончилась, и шайтан слез. Косе уселся на него поудобнее, взял в руки палку, словно это был дутар, и запел: «те-те-те, те-те-те, те-те-те...» Так он пел долго-долго. Шайтан устал до изнеможения.

– Послушай, скоро ты допоешь свою песню? О чём она?

– Скажу, когда кончу, – отмахнулся Алдаркосе и продолжал: – те-те-те, те-те-те...

Так он пел, пока они не добрались до места. Вконец измученный шайтан свалился без сил. Больше Алдаркосе его не видел, и за ним окончательно укрепилась слава непревзойденного обманщика.

Эсенполат

Всего пугаюсь

Когда Эсенполат был маленьким, его часто посылали за водой. Как-то он нёс полный сосуд, а сосед сгружал челек с верблюда. Тот испугался чего-то, один бочонок сорвался и разбился. Больше на этом верблюде воду не возили. Эсенполат решил: «Разобью кяды, скажу – с испугу, тогда меня тоже не будут посылать».

На следующий день мать говорит:

– Эсенполат-джан, сходи за водой.

– Знаешь, мама, – сказал мальчик, – я всего пугаюсь, когда несу воду.

Но мать и слушать не хотела отговорок.

– Ай, сынок, – пожурила она его, – ты разве скотина, чтоб всего пугаться? Смотри не скажи этого еще кому-нибудь – засмеют.

Эсенполат пошёл, наполнил кяды, но, подойдя к кибитке, сделал вид, что испугался, и упал. Тыква – вдребезги.

– Вай, Эсенполат, ты оставил нас без чая, – с досадой сказала мать.

С тех пор его перестали посылать за водой.

Пусть сами едят

Эсенполат с другом остановились в кибитке одного бая. Хозяин был жаден и предложил им на обед только чурек. Поели они его без особого удовольствия. Эсенполат то и дело рыскал глазами по сторонам и вдруг заметил в углу чашку с кислым молоком.

- Пожалели для нас, так пусть и сами его не отведают, - пробормотал он и тихонько предложил другу: - Давай затеем драку и опрокинем посудину.

Только вышел хозяин, Эсенполат запустил в товарища половинкой чурека, тот стукнул его целой лепешкой, и они принялись барахтаться до тех пор, пока Эсенполат «нечаянно» не зацепил чашку ногой. Молоко разлилось по полу.

- А теперь пойдем, - сказал Эсенполат. - Пусть сами едят сухой чурек.

Всю ночь маялся

Эсенполат с товарищем заночевали у скупого человека. Когда хозяин уснул, Эсенполат сказал:

- Пошарь-ка там, друг, нет ли масла или ещё чего. В дороге поедем.

Нащупав кувшин, товарищ достал из него масло, завернул в платок, сунул в свой тельпек и они заснули.

Утром хозяин разжёл очаг, вскипятил чай и разбудил гостей:

- Вставайте, чайку попьём.

От раскалённого очага в кибитке стало жарко, а тут ещё чай горячий. Масло в тельпеке у друга стало таять и течь по лицу. Бедняге приходилось то и дело вытираться рукавом халата.

- Что это ты так потеешь, гость? - спросил хозяин.

Эсенполат поспешил на выручку:

- Ай, он нездоров... Всю ночь маялся!

Кто даст на подкладку

У одного бая умер брат. Бай боялся, что во время похорон Эсенполат станет смешить людей и тем опозорит его, поэтому он позвал весельчака и сказал:

- Если ты будешь хорошо вести себя на похоронах, я дам тебе на халат.

Когда все вернулись с кладбища в село, родные стали причитать:

- О, брат!..

Эсенполат продолжил:

- Ты дал мне на халат! Кто же даст на подкладку?

- Получишь и на подкладку, только перестань! - взмолился брат умершего.

Ребёнок был голоден

Довелось Эсенполату как-то быть гостем у молодой женщины. Хозяйка собиралась печь чурек и попросила:

- Ага, если малыш в люльке проснётся, покачайте его.

Ребёнок проснулся и стал хныкать. Эсенполат взял его на руки и стал укачивать, но нянька из него не получилась. Тогда он нашел миску с кислым молоком и помазал ребёнку губы. Тот зачмокал и уснул. Эсенполат снова положил его в люльку, а остальное молоко выпил.

Вернулась хозяйка.

- Кажется, ребёнок беспокоил вас? - спросила она.

- Ничуть, - ответил Эсенполат. - Только он был очень голоден - всё молоко выпил.

Зачем нож?

Шагая вдоль линии железной дороги, Эсенполат увидел зарезанного поездом верблюда. «Вах, сам аллах посылает мне обед», – подумал он, отнял ляжку и потащил домой.

Встретился мулла.

– Где ты взял мясо, Эсенполат? – спросил он.

– Верблюда зарезало поездом, а мы давно не ели жаркого, вот я и прихватил на всякий случай.

– Тьфу, тьфу, – отплюнулся мулла. – Этого верблюда не касался нож, значит, мясо его поганое.

– Зачем нож? – удивился Эсенполат. Под ним была сталь, над ним была сталь, и главное, есть его будет Полат – стальной. человек.

Скупой кувшин

Эсенполат с товарищем остановились переночевать у одного бая. На ужин им подали только чай. Легли они, но голод не давал уснуть.

- Эй, друг, пошарь-ка около себя, не найдётся ли чего пожевать, - шепотом сказал Эсенполат.

Тот долго возился, но ничего не нашёл.

- Поищи ты, - сказал он.

Эсенполат протянул руку и наткнулся на кувшин. Полез в него - масло. Взяв полную горсть, хотел вытащить - рука застряла. Как он ни старался, даже вспотел - всё напрасно. На помощь пришёл товарищ, но и его усилия не дали результата.

Утром хозяйка вскипятила чай и сказала мужу:

- Буди гостей, попейте, пока не остыл.

Бай поднял их и стал умываться. Эсенполат прикрыл руку с кувшином шубой, а товарищ стал его умывать.

- А что у тебя с рукой? - спросил хозяин.

- Отлежал ночью, - буркнул Эсенполат.

Сели пить чай.

- Эй, жена, приготовь-ка нам шурпу, - сказал бай.

Хозяйка стала искать масло. Кувшина на обычном месте не было. Выйдя во двор, она позвала мужа.

- Кувшин с маслом пропал...

- Что, его шайтан унёс, что ли? - рассердился бай. - Ищи хорошенько.

- Искала уже - нету. Как сейчас помню, с вечера ставила его в комнате, где гости спали.

Услышав разговор, Эсенполат сказал:

- Не ругай из-за нас жену, браток, не нужно нам шурпы.

- Нет, Эсенполат-ага, я заставлю её найти кувшин с маслом, - ответил хозяин и заорал на жену: - Эй,

женщина, ты разбазариваешь моё добро и ищешь виновных там, где их нет!

- Что же делать? - спросил у друга Эсенполат.

- Лучше всего позвать хозяина и всё ему рассказать, - посоветовал тот.

Так и сделали. Эсенполат сказал:

- Хочу рассказать тебе одну вещь бай-ага, но стесняюсь.

- Да говори, чего там!

- Ночью, во сне, я раскинул руки, одна из них возьми да попали при этом в кувшин с маслом. Я хотел её вытащить - не идёт, товарищ стал помогать - тоже напрасно. Кувшин твой оказался скупее тебя, бай-ага. Ночью мы были очень голодны, и если бы рука вылезла - обязательно полакомились бы маслом. Но он не позволил нам этого сделать.

Я думал, кто-то умер

Услышал Эсенполат, что в ауле, где выросла жена, устраивают большой той. Пришёл он домой и говорит;

- Ты давно просила, чтобы я отвёз тебя к родителям. Готовь скорей подарки, поедем.

Женщина быстро сделала пресные лепешки-пишме, пожарила их в масле, сложила в хурджум. Эсенполат усадил её позади себя на коня, и они поехали.

Той был в разгаре. Увидев Эсенполата, многие закричали:

- Скорее, скорее, отвози жену и сюда!..

Эсенполат, что было силы хлестнул коня, и тот понёсся птицей. С жены слетел борык и платок.

- Остановись, - закричала она. - Борык потеряла.

- Держись крепче, - ответил Эсенполат, - а то сама свалишься, а борык потом подберёшь. - И он, ещё раз огрел коня камчой.

У самой кибитки родственников жена слетела с коня. Те подхватили её и запричитали:

- Вай, вай, убил!..

Эсенполат развернулся и устремился туда, где его ждали. На славу угостившись и повеселив дайхан, он явился к родителям супруги. Слышит, а в кибитке стон стоит. Эсенполат, не долго думая, тоже зарыдал.

- Мы плачем от твоих проделок, - сказали родственники жены, - а ты-то от чего?

- Вах, - удивился Эсенполат, - я решил, что кто-то из вас умер.

Эртеки

Батрак

Это случилось давно, а может, никогда не случилось. Жил у одного бая батрак. Бай ничего не платил ему – обещал отдать в жёны дочь. А так как парень был без ума от неё, то трудился не щадя себя, день и ночь. Девушка тоже любила батрака, и они иногда украдкой встречались.

Когда пришло время рассчитаться, бай продал девушку, несмотря на её протесты и слёзы, другому баю. Батрак побежал к хозяину:

– Бай-ага, ведь вы же мне обещали свою дочь!

– Работай, как прежде, хан мой, и я найду тебе не менее достойную жену, – ответил тот.

Батрак бросил всё и пошёл, куда глаза глядят. Долго или коротко он шёл, но пришёл в какой-то аул. Видит, собралась огромная толпа. Оказывается, это были любопытные. Они смотрели, как двое делили землю. Судьёй у них был знаменитый пир. Став между спорящими, он провозгласил:

– Пусть пыль с одного участка не попадёт на другой, – и пошёл по своим делам. «Совсем как мой хозяин, – сказал себе парень. – Впрочем, это всё-таки пир».

Вечерело. Батрак задумался о ночлеге. Знакомых у него тут не было, поэтому он отправился в мечеть и прилёг в уголке. В полночь проснулся от шума. В мечети оказались какие-то люди и среди них, за главного, тот самый пир.

– Идёмте туда, – указал пир вниз.

Загремели ключи, застучали засовы, открылась огромная дверь. Рядом с мечетью была мельница. Пир приказал остановить воду, и все спустились в какое-то подземелье. Батрак незаметно проскользнул за ними.

Он увидел покои, в которых было множество женщин всех возрастов – от старух до совсем ещё девочек. Каждый из спустившихся выбрал себе наложницу. Самая красивая и нарядная досталась пиру. Потрясённый юноша чуть не вскрикнул, – ведь это была та самая дочь падишаха, за которую обещана большая награда, – но вовремя закрыл рот рукавом халата. Пятясь, он выбрался из подземелья и мечети, и поспешил во дворец.

– Мой повелитель, – сказал он молитвенно сложив руки на груди, – я берусь отыскать вашу дочь, если вы на три дня уступите мне трон.

Убитый горем падишах согласился, и бывший батрак стал править.

Юноша велел привести своего прежнего хозяина. Потом отправил нукеров за его дочерью и зятем. С остальными всадниками поехал к пиру.

– Набросьте верёвку на шею этому подлецу, – сказал он, – и ведите его в темницу.

Нукеры отказались исполнить приказ.

– Разве можно обращаться так со святым человеком? – А падишаху сказали: – Этот молокосос требует, чтобы мы связали почтенного пира!

– Сейчас он ваш повелитель, – ответил падишах.

Батрак велел объявить, чтобы пришли все, у кого пропали дочери. Когда все собрались, юноша повёл их к мельнице. Остановили воду, открыли вход в подземелье и увидели измученных женщин. Многие из них сейчас же бросились к родным, а те, кто был украден давно и не помнили матерей и отцов, – да и их узнать было очень трудно, так изменились, состарились они от горя, – стали расспрашивать, искать. Слезы радости лились потоком. Когда освобождённые женщины рассказали, что их главным мучителем был пир, толпа пошла к темнице, вытащила и растерзала его.

Батрака, которому ещё вчера негде было переночевать, сегодня не знали куда посадить, чем накормить. Он велел казнить подлеца-бая, своего бывшего хозяина, а заодно и его зятя. Приказ был тотчас же исполнен. Влюблённые обрели друг друга и счастье.

Умная гелин

Жила-была у одного бая дочь, настоящая красавица. Полюбила она батрака, а тот давно мечтал о ней. Молодой человек знал, что отец девушки никогда не согласится отдать за него дочь. Тогда они договорились бежать. Взяли денег, сколько смогли унести, лучших коней из табуна и, едва наступила ночь, ускакали. Поселились они в большом городе и жили очень счастливо.

Беда пришла неожиданно. Один из приближённых падишаха оскорбил бывшего батрака, и тот, защищая свою честь, поколотил его. Явились стражники и отвели его в темницу. Распустив волосы, целый день горько плакала жена о своём любимом, а потом осушила слёзы и поклялась не только вызволить его, но и отомстить тем, по чьей воле он попал в тюрьму.

Заплела она косы, одела свой самый лучший наряд, повесила самые богатые украшения и вышла из дому. Вначале она пошла к кази. Слостолюбивый судья давно заметил красивую гелин и был удивлён и несказанно рад её приходу.

– Входи, луноподобная, не стесняйся, – засуетился он. – Скажи, что тебя ко мне привело.

Мило смутившись, женщина сказала:

– Моего мужа посадили в тюрьму... О, по недоразумению!.. Говорят, нужна бумага от вас, чтобы его выпустили...

Казы схватился за карандаш, намереваясь сейчас же сделать всё, что надо, но гелин остановила его.

– Я не хочу отрывать вас от более важных дел, кази-ага. Вот мой адрес, я сейчас живу одна, может быть, заглянете ко мне вечером, после намаза? Тогда и напишете бумагу...

Не стоит говорить, что кази с радостью согласился и с нетерпением ждал ночи.

Молодая женщина вышла от кази и направилась к визирю. Царедворец сидел один в большой комнате, когда она, приоткрыв дверь, заглянула туда.

- Заходи, заходи, - сказал как можно нежнее визирь. - С какими вестями ко мне, гелин?

- Ах, визирь-ага, мой муж по ошибке попал в тюрьму. Говорят, для его освобождения нужна ваша бумага. - И она подняла на него свои прекрасные глаза.

Не говоря ни слова, визирь взял перо.

- О, не сейчас, визирь-ага, - сказала гелин. - Может быть вы зашли бы после намаза к бедной женщине в гости. Там можно и написать.

- Великолепно! Замечательно! - воскликнул визирь.

Гелин пошла к падишаху.

Чтобы попасть во дворец, нужно было миновать стражу. Женщина подняла яшмак до самых глаз и подошла к часовому.

- Куда идёшь? - спросил тот.

- К падишаху, - ответила гелин. - У меня к нему дело. - И выразительно подмигнула.

«Кажется, это та самая красotka, что ходит к падишаху», - подумал стражник и пропустил.

Гелин подошла к внутреннему караулу.

- Куда идёшь?

- К падишаху. - И она будто невзначай приспустила яшмак.

- О-о-о! Вы подождите, я спрошу у его величества...

Войдя к падишаху, стражник сказал:

- Мой повелитель, вас хочет видеть одна очень красивая гелин.

- Что же ты стоишь, болван? - сверкнул глазами падишах. - Скорее впусти её! - И сам поспешил к двери. Увидев красавицу, он даже за бороду схватился.

- Входи, моя пери, - с умильной улыбкой сказал падишах, взял её за руку, усадил рядом с собой. - Откуда ты, кто такая и что тебе нужно?

- Я из страны Джам, дочь Нусрет-бая, имя моё Гульджехре, а муж мой Омар, сын Кайсар-хана. Не знаю, по какой причине ваши люди схватили его и посадили в тюрьму.

- Сейчас же напишу, чтобы его освободили, - сказал падишах.

- О мой повелитель, с этим не надо спешить, - остановила его гелин. - У ваших ворот стоит много бедняков, которым ваша помощь сейчас нужнее. Выслушайте их, а вечером, после намаза, я была бы счастлива видеть вас у себя.

Падишах принял приглашение. «Какая красавица и какая умница, - думал он. - Она из страны Шамоу, дочь знатных людей. Провести с ней вечерок - блаженство...»

А Гульджехре ещё раз взглянула на него многообещающе и удалилась.

Из дворца гелин пошла на базар, нашла знаменитого плотника и заказала ему четыре больших сундука, попросив доставить их к ней домой.

- Простите, что я не могу вам сейчас заплатить, - сказала она. - Приходите вечером, после намаза, я рассчитаюсь.

Гульджехре расставила сундуки, расплатилась с амбалами. С мечети раздался голос муллы, призывая правоверных к молитве. Едва он умолк, в дверь постучали - пришел кази. Хозяйка захопотала вокруг него, помогла снять халат, усадила на подушки. Кази попросил бумаги и чернил. Написал: «Освободить мужа этой гелин» и тут же захотел получить плату. Он протянул руку, имея намерение обнять ее.

- Не торопитесь, кази-ага! - ответила молодая женщина и легонько оттолкнула руку. - Сначала чай,

чурек, а потом и... остальное.

Судья согласился неохотно. Наливая в пиалу чай, он глаз не сводил с красивой гелин. В дверь постучали.

- Кто это?

Кази боялся, что ему помешают насладиться.

- Не волнуйтесь, ага, - сказала хозяйка. - У меня есть слабоумный брат, это, наверно, он. Дам ему поесть чего-нибудь и выпровожу.

- Не нужно, чтобы он видел меня, - забеспокоился кази.

- Как же быть? - задумалась гелин. - Полезайте-ка вот в этот сундук.

Судью упрашивать не пришлось. С ловкостью кота он забрался в сундук, а гелин закрыла его на замок, и побежала отворять дверь. На пороге стоял визирь. Он уже начал сердиться, что его так долго не впускают, но хозяйка подарила его такой улыбкой, что он тут же пришёл в хорошее настроение. Гульджехре старалась изо всех сил угодить высокому гостю. Она постелила ему самые красивые ковры, подложила самые мягкие подушки. Визирь, чтобы на заботу ответить заботой, тут же сел и написал распоряжение, которое хотела получить от него гелин. Окончив писать, он заговорил о своей любви.

- Ох, вы и нетерпеливы, - игриво повела бровями хозяйка. - Успеете. Поужинаем, а потом будем о любви говорить.

Она расстелила сачак, подала вкусные яства. Едва визирь протянул руку к блюду, раздался резкий стук в дверь. Визирь забеспокоился, а гелин стала его уговаривать и повторила версию о слабоумном брате. Но сановник не больше судьи хотел, чтобы кто-то увидел его здесь, и Гульджехре спрятала его во второй сундук.

Быстрее птицы выпорхнула она из комнаты, что бы встретить падишаха. Всё повторилось в том же

порядке. Так же хозяйка позаботилась об удобствах гостя, так же обещала после ужина вознаградить повелителя за распоряжение об освобождении мужа и опять помешал стук в дверь. Это пришёл за деньгами плотник.

- Нет уважаемый, - ответила сердито хозяйка, - денег я тебе не дам. Я предупреждала тебя, чтобы сундук был вместительный. А что же оказывается? В него даже человек не уместается.

- Как это так? - не поверил мастер и влез в четвертый сундук. Гульджехре быстро захлопнул крышку и повернула ключ в замке.

С помощью бумаг она без труда освободила мужа. Придя домой, супруги составили сундуки друг на дружку, потом уложили свои вещи и уехали в соседнюю страну, где стали жить-поживать.

А что ж с пленниками? Плотник, как попал в сундук, стал ругаться.

- Если б я не был дураком, то сделал бы этот ящик подлиннее, чтобы можно было лежать, вытянув ноги! - И он стал бить ногами в стенку.

- Эй, кто здесь? - закричал кази.

- Идите сюда! - подал голос визирь.

- Немедленно выпустите меня! - приказал падишах.

Гвалт поднялся невообразимый. На крики сбежались соседи. Они подумали, что после отъезда хозяев дом их облюбовали под жильё джины и теперь безобразничают. Кто-то посоветовал облить кибитку керосином и поджечь.

- Откройте, люди! - донесся из кибитки истошный вопль. - Я ваш падишах!

- Нечего тут делать нашему падишаху, - сказали соседи, не переставая лить керосин. Но один решился:

- Э, будь что будет - открою.

Из ящика выскочил падишах, борода его тряслась, как овечий хвост. Не дав людям опомниться, он

побежал прочь. Открыли остальные сундуки. Пленники, жалкие, на смерть перепуганные, бросились врассыпную и догнать их не смог бы даже ветер.

Разве кончилась мука?

Старик-мулла, обучавший мальчиков грамоте, влюбился в мать одного из них и называл того – «сын красивой матери». В конце концов мальчуган пришёл домой и спросил:

– Эдже, правда, что ты красивая?

– Откуда ты взял? – удивилась мать. – Я самая обыкновенная.

– А почему же наш мулла называет меня «сын красивой матери»?

Женщина поняла всё и решила проучить старого сластолюбца.

– Передай своему наставнику, пусть зайдёт сегодня, – сказала она.

Мальчик пошёл в школу. Мулла, как обычно, встретил его:

– Входи, входи сын красивой матери.

– Мулла-ага, – сказал мальчик, – мама приглашает вас в гости.

Когда гость заявился, хозяйка сказала ему, что муж уехал по делам и не скоро вернётся, потому-де она и решила пригласить любезного гостя.

Старик рассыпался в благодарностях. Он похвалил её за красоту и ум и, подложив под себя мягкую подушку, удобно расположился на кошме. Хозяйка расстелила сачак и стала готовить угощение.

Со двора послышался скрип арбы и понукания верблюда.

– Муж! – вскрикнула женщина.

– Что же мне делать? – заметался в страхе мулла.

– Стойте, я придумала, – улыбнулась хозяйка. – Накиньте на голову мой халат и садитесь в угол молоть зерно.

Мулла так и сделал. В кибитку вошёл хозяин с мешком пшеницы.

- Что за женщина? - спросил он у жены.

- Рабыня нашего соседа. У них мельница поломалась, вот она и пришла пшеницу перемолоть.

- Тогда пусть и нашу заодно перемелет, - хозяин пнул принесённый мешок.

Когда «рабыня» перемолола всю пшеницу, муж сказал жене:

- Мне она давно уж приглянулась, сегодня ночью я не лягу с тобой.

Мулла подскочил как ужаленный и опрометью выбежал из кибитки, забыв про свой халат.

Прошло несколько дней «сын красивой матери» снова передал своему наставнику приглашение в гости. Мулла сердито посмотрел на него и спросил:

- Разве у твоей матери мука уже кончилась?

Умнее визирей

Жил на свете старик. Единственным его достоянием был ослик. Старик любил его и часто говорил:

- Мой ишак умнее визирей падишаха.

Достигли эти слова ушей визирей, и разозлились они несказанно.

- Пресветлый падишах, - стали жаловаться они, - какой-то нищий старик позорит нас, уверяя, что мы глупее его осла.

Падишах приказал позвать деда, столь низко оценившего умственные способности его сановников.

- Яшули, почему вы всюду говорите, что ваш ишак умнее моих визирей?

- Действительно, мой падишах, я иногда говорю так, - лукаво усмехнулся старик, - и вот почему: как-то я ехал на своём ишаке через мост. Он возьми и провалился одной ногой в дыру. С трудом я его вытащил. С тех пор, когда мне случается перебираться через этот мост, он осторожно обходит то место. Видишь, какое умное животное?! А твои визири, сколько ни наказываешь ты их за преступления, при первой возможности делают то же самое. Суди теперь, кто умнее: мой ишак или они?

Падишах признал справедливость слов и выдал мудрому старику награду, а визирям сказал:

- Берите пример с его ишака!

Девяносто торб

Одной страной правил падишах. Был он богат, могуществен, мудр, но стар. Ему уже перевалило за девяносто. В том же городе жил бедняк, у которого была красавица-дочь. Однажды престарелый падишах увидел эту девушку и всплыл любовью. Сказано – сделано. Посылает он сватов к её родителям. Растерявшийся бедняк попросил три дня отсрочки, чтобы посоветоваться с домашними. – Падишах слишком, стар, чтобы жениться на нашей голубке, – сказала жена, – но он всемогущ. Как противиться его воле? – И заплакала.

– Всё будет хорошо, дорогие, – успокоила их дочь. – Только, когда сваты явятся снова, скажите им, что я сама назначу калым за себя.

Падишах нетерпеливо ожидал назначенного срока. Он уже считал девушку своей женой. Визири и сваты-беки пришли за ответом.

– Мы согласны, – сказали родители, – но калым пусть она сама назначит.

– Слава богу, казна нашего повелителя полна, – ответили они. – Ну, девушка, ждём твоего слова.

– Моя цена будет такая, – сказала невеста, – десять ягнят, двадцать волков, тридцать верблюдов, сорок почтенных людей, пятьдесят отборных жеребцов, шестьдесят скопцов, семьдесят недоузdkов, восемьдесят пут для лошадей и девяносто торб.

– Вай, только-то?! – обрадованные сваты поспешили к падишаху.

– Ну и сделали дело! – схватился за голову падишах, когда ему всё рассказали. – Нечего сказать хороши сваты.

- А что, разве плата велика? - удивились визири и векили.

Падишах сердито объяснил им, что десять ягнят - это значит, что в десять лет человек подобен ягненку, в двадцать - волку, в тридцать - верблюду, в сорок - он становится почтенным, в пятьдесят - буйным жеребцом, в шестьдесят - скопцом, в семьдесят - его водят на поводу, сам он уже не в состоянии ходить, в восемьдесят - он подобен спутанной лошади, а в девяносто - для него наступает пора прятать свое брэнное тело в торбу и готовиться к смерти.

- Вот, что хотела сказать девушка этим калымом, - закончил он. - У нее одной оказалось ума больше, чем у всех вас, вместе взятых!

Падишах пожелал увидеть девушку, чтобы задать ей несколько вопросов. Послали за ней ясаула.

- Вас зовет падишах! - сказал он.

- Зачем? Я уже дала ему ответ.

- Не могу знать, уважаемая...

Девушка пошла во дворец вместе с матерью. Падишах позволил им сесть.

- О, падишах, - смело сказала девушка, - у нас нет времени, чтобы сидеть! Если хотите что-то сказать - говорите, а нет - позвольте нам уйти.

Падишах задал ей два вопроса: какое животное тяжелее всех, и что слаще всего на свете?

- Но ведь это так просто! Зачем же спрашивать? - удивилась девушка.

- Все-таки ответь, красавица, - попросил падишах.

- Самое тяжелое животное, - сказала она, - конь, и слаще всего на свете - любовь.

- Почему ты так думаешь? - поинтересовался падишах.

- Когда конь бежит - вся земля дрожит. Что же касается сладости любви, то вот доказательство: когда я была маленькой, меня посадили у огня и я упала на

угли, но мать с отцом даже не заметили этого, так как были заняты поцелуями. Любовь для них была важнее родного ребёнка. И второе: вам, ваше величество, девяносто лет, а вы всё ещё мечтаете жениться.

Падишах был восхищён умом девушки и отпустил её с миром.

Сорок небылиц

дин честолюбивый бай надумал женить своего сына на дочери падишаха и заслал сватов. Падишах ответил, что отдаст её только за того, кто научится хитростям у дэва. Бай повел сына к дэву.

- Салам алейкум, дэв-ага! - сказал он, войдя в пещеру.

- Если бы ты не поприветствовал меня, - ответило чудовище, - я бы тебя проглотил. За чем пожаловал?...

- Я привёл к тебе сына, чтобы он научился твоим хитростям.

- Хорошо! - ответил дэв.

У него был большой сундук. Он сказал, что запрячет в него юношу и продержит сорок дней.

- Если выживет, будет твой, если помрёт - мой.

Бай согласился и ушёл.

Сына положили в сундук и заперли. Юноша умер бы непременно, но дэв имел обыкновение каждый, день уходить на охоту, а у него была дочь, очень добрая и хитрая девушка. Когда отец охотился, она выпускала паренька из сундука, поила и кормила его. В первый день, когда юноша поел, она разожгла костёр и спросила:

- Ты понял?

- Нет, ничего не понимаю, - ответил тот.

Девушка снова уложила его в сундук. На второй день повторилось то же самое. А на третий - юноша ответил, что он понял.

- Тогда лежи ещё, - сказала дочь дэва и заперла его.

Настал сороковой день. Девушка вместо обычного обеда дала юноше кисть винограда.

- Сегодня придёт твой отец, - сказала она. - Что же касается моего отца, то он уже точит зубы, так как уверен, что ты давно мертв. Когда он спросит тебя, чем ты питался, скажешь, что каждый день сверху к тебе падала вот такая кисть винограда.

Всё случилось так, как предсказывала девушка, Дэву ничего не оставалось, как вернуть сына отцу - ведь уговор дороже денег.

Пошли бай с сыном домой. Сорок дней, проведённых парнем у дэва не прошли для него даром. Об этом позаботилась добрая дочь чудовища. Сын решил показать отцу своё уменье. Он слегка отстал и сразу же сделался откормленным бараном. Бай оглянулся, ища сына.

- Вах, какой баран! - вскричал он и принялся ловить его. Но - не поймал.

Юноша снова принял человеческий облик » пошёл рядом с отцом. Идут они, идут, и снова юноша отстал и превратился в великолепного скакуна. «Бай-бой!» - восхитился бай, увидев коня, и бросился ловить его, но конь не дался в руки. А сын уже снова оказался рядом.

В третий раз он сделался сильным и буйным верблюдом и погнался за отцом. Бай - бежать, но громадина вот-вот его настигнет. Бай, не помня себя от страха, бросился в колодец. В тот же миг верблюд снова стал юношей. Подойдя к колодцу, он спросил:

- Что вы там делаете, ата?

- Жду тебя, - глухо донеслось снизу.

- Разве для этого обязательно спускаться в колодец? - спросил сын.

Бай рассказал, что три раза ему являлось чудо: один раз - превосходный баран, второй - конь-красавец, а потом какой-то бешеный верблюд за ним погнался. И откуда они брались?

Юноша, усмехаясь, вытащил отца из колодца и сообщил, что всем этим чудесам он научился у дэва и

сейчас проверил свои способности.

- Завтра я опять обращусь в откормленного барана, - сказал он отцу. - Сведи меня на базар и продай, но не дешевле, чем за сто тюменов. Только верёвку, на которой меня поведёшь, ни в коем случае не отдавай.

Бай так и сделал. Люди, купившие барана повели его на площадь, где устраивались бои животных. Байский сын победил всех, а потом забежал в толпу и обратился в человека. Искали, искали его, но так и не нашли.

На следующий день юноша превратился в резво-то скакуна. Отец снова продал его за сто тюменов, а уздечку, как велел сын, забрал с собой. Новый хозяин посадил на коня своего мальчишку. Проехали они немного, конь осторожно сбросил ребёнка, принял человеческий облик и удалился.

В третий раз парень сделался большим упитанным верблюдом и отец повёл его на базар. Там же оказался и дэв. Увидев его, верблюд сделался тощим и жалким, но дэв всё равно его купил. Впопыхах бай забыл снять верёвку, и сыну пришлось следовать за дэвом. Тот пригнал его к своему жилью и крикнул дочери:

- Неси сюда нож!

Но та уже узнала юношу. Закинув нож подальше, она сказала отцу:

- Никак не могу его найти.

- Тогда поддержи верблюда, я сам поищу, - сказал дэв.

Девушка немедленно отпустила пленника, шепнув ему: «Беги!» Когда тот был уже далеко, она закричала:

- Вай, этот верблюд оборвал верёвку и удрал!

Дэв помчался в погоню. Бежали они до самого дворца падишаха. Когда чудовище почти настигло верблюда и готовилось уже схватить его, тот обернулся птицей и сел на плечо гулявшему по саду падишаху.

- О, падишах, отдай мне эту птицу! - попросил дэв.

Но падишах сказал, что не даст в обиду птаху, посланную ему всевышним. Дэв удалился в великом гневе, а птица слетела с плеча падишаха и превратилась в прекрасного юношу.

- Повелитель, вы обещали отдать замуж свою дочь за того, кто научится хитростям у дэва, - сказал юноша. - Не я ли её достоин?

- Хитрости дэва - ещё не всё, сын мой, - ответил падишах. - Я отдам тебе дочь, если ты расскажешь мне сорок небылиц.

Юноша помолчал, собираясь с мыслями, и начал:

- В те времена, когда мой отец ещё не был женат на моей матери, а я ещё не родился, у моего дяди была кобыла. Я пас её, и однажды она ожеребилась. Взяв жеребёнка на руки, я сел на кобылу, но она не смогла нас везти. Тогда я взял на руки кобылу и сел на жеребенка, и он повёз нас. Я был единственный сын у матери, все дети умирали, остались только мы, трое братьев. Один из нас был слеп, другой - безрук, а третий - гол. Как-то мы пошли на охоту. Под невыросшей полынью слепой увидел неродившегося зайчонка, безрукий убил его, а голый завернул в полу своего халата и понёс. В зайчонке было шестьдесят батманов мяса и семьдесят - сала. В одном месте мы нашли целый казан, а в другом половину. Положили мясо и сало в целый казан - не поместилось; положили в половинку - тоже осталось. Тогда я сунул в рот все шестьдесят батманов мяса и семьдесят батманов сала. На одну сторону хватило, а на другую - не осталось ничего. Семьюдесятью батманами сала я смазал сапоги, вернее один сапог, потому что на второй не хватило. Я поставил сапоги у изголовья и лёг спать, но скоро проснулся от шума: это подрались мои сапоги, смазанный и сухой. Я дал пощёчину смазанному, оттащавшему за уши сухой и снова уснул. А утром увидел,

что стоит только один сапог – смазанный. Сухой сапог обиделся на меня и ушёл. Что делать? Моя умершая мать дала мне иглу, я воткнул её в пол, залез на неё и обнаружил на другом конце земли свой сапог. Он что-то там ел. Подойдя, я увидел, что у него был большой арбуз. Сапог больше не сердился на меня и угостил арбузом. Когда мой нож вонзился в арбуз, из него потекла большая река, в которую я упал вместе с ножом. Сейчас там лежит один волос и седло...

Падишах не выдержал.

- Всё до единого слова ложь! – крикнул он.

- Если так, то ваша дочь – моя! – сказал юноша.

Как бедняк ходил за черкезом

Это случилось давно, а может быть, никогда не случалось. Жил бедняк с женой и дочерью, и ничего-то у них не было: ни овцы, ни курицы, ни собаки, ни даже кошки, только один ишак. Дочь нянчила байских детей, а жена, большая искусница, нанималась ткать ковры. Так они и сводили концы с концами.

Однажды бедняк сел на ишака и поехал в степь за черкезом. Нарубил он немного хвороста и почувствовал боль в животе. Кряхтя, прилёг он под куст. Полежал-полежал, да и крепко заснул. Вдруг видит он, что кто-то поджёг нарубленный им черкез. «Вай, кто палит мои дрова?» – вскочил он и увидел, что дрова лежат целёхоньки, а солнце уже садится. Связал он хворост и хотел навьючить его на ишака. Вдруг видит, что-то блестит под ногами. Взял в руки – оказался огромный, с кулак, кусок золота. Бедняк едва не умер от радости. У него не хватило даже сил, чтобы пойти домой, и он решил заночевать в песках.

Рано поутру он навьючил ишака хворостом и пошёл домой, не чуя под собой ног.

– Напои-ка меня чайком, – сказал он жене, когда вернулся, – да покрепче, – а сам никак не может скрыть свою радость, она так и льётся через край.

– С чего это ты в таком настроении? – удивилась жена.

– Вах, почему же мне грустить? – самодовольно сказал он. – Я пью крепкий чай со свежим чуреком...

– Ты каждый день это делаешь, но раньше из тебя улыбку и вытянуть нельзя было.

Больше бедняк не мог скрывать свою тайну.

– Знаешь, женщина, – понизил он голос почти до шепота, – вчера я нашел в песках кусок золота.

Та не поверила.

- Брось, отец, такое не про нас. Аллах знает, кому давать золото.

Муж не спеша вытащил самородок и протянул его ошеломлённой жене.

К кибитке подошёл ишан. Бедняк любезно пригласил его войти и велел жене вскипятить ещё чаю, а пока поставил перед гостем свой чайник. Ишан выпил пиалу чаю и обратился к хозяйке:

- Гелин, когда я вошел, у тебя в руках было что-то блестящее.

Зная повадки и загребушие руки ишана, хозяин сказал, что ничего такого не было. Но от ишана не так-то просто отвязаться. Он приставал до тех пор, пока бедняк не сказал в сердцах: «На!.. Смотри...» - и бросил ему свою находку.

- Где ты взял? - глаза ишана загорелись, как у волка.

Пришлось рассказать, как всё было. Ишан попросил позволения отломить на пробу кусочек. Хозяин рассердился.

- У тебя горсть пыли не выпросишь, хотя в доме всего полно, а ты у бедняка последнее норовишь ополовинить.

Но ишан всё же отломил кусочек.

- Пошли аллах тебе сыновей, а сыновьям - прекрасных дев, подобных пери, - пробормотал он на прощанье.

- Чтоб глаза мои тебя не видели! - крикнул ему вслед бедняк, но тот уж ничего не слышал.

Прибежав домой, ишан взял осла и поехал в степь. Нарубив немного хвороста, он сделал вид, что у него заболел живот и лёг под куст. Но сон не приходил,

сколько ни зажмуривал он глаза. Тогда он вскочил и снова стал работать. Рубил до тех пор, пока не устал.

«Уж теперь-то усну», – подумал он, ложась опять под куст. И правда, сразу задремал. Вдруг он почувствовал, что под рубашку заползла змея. Вначале он подумал, что это во сне, но, открыв глаза, увидел её наяву.

– Ты зачем приползла ко мне? – в испуге вскрикнул он.

– А зачем ты притворяешься, что у тебя болит живот, и пытаешься увидеть сон? – проговорила змея человеческим голосом.

– Вах, змея, послушай, – сказал ишан, – вчера один человек вот так же нашёл здесь золото.

Змея сердито зашипела:

– Тот человек беден, и у него действительно болел живот. У тебя же дом валится от приношений, и ты всех обманываешь. А ну, убирайся отсюда, пока цел!

Ишан в величайшей досаде и злобе поплёлся домой.

– Что случилось с тобой, отчего ты такой? – спросила его жена.

– Женщина не должна расспрашивать мужа! – ещё больше озлился ишан.

С лицом чернее тучи шагал он из угла в угол и жена, не утерпев, спросила снова:

– Что же всё-таки случилось?

– Сейчас узнаешь! – взорвался ишан, схватил палку и стал колотить ни в чём не повинную женщину.

Проходила мимо старушка и сказала:

– Разве можно так избивать жену? Она ведь не животное, а человек.

– Уходи отсюда, старая карга! – рявкнул ишан. – Это я должен учить женщин, а не они меня! – И продолжал бить свою жену, пока не обессилел.

Через некоторое время он подошёл к лежавшей без движения женщине и хотел поднять её, но она была бездыханна. Вытащив из чувала коран, он принялся читать его над телом умершей, в надежде оживить её.

Но молитвы не помогли. Тогда он выскочил на улицу и стал звать на помощь. Сбежались люди.

- Отчего скончалась бедная женщина? - стали они спрашивать.

- Ах, у неё было больное сердце, - лицемерно скорбя, отвечал ишан.

Но когда женщины стали обмывать покойную, они увидели на её теле следы побоев и всё поняли.

Через месяц после этого печального происшествия ишан позвал к себе старика и старуху и поручил им высватать себе какую-нибудь девушку. Но куда ни приходили сваты, им всюду отказывали, даже в отдалённых аулах: и туда дошёл слух о том, что ишан убил свою прежнюю жену.

Так он и состарился в одиночестве, а добро его после смерти перешло к чужим людям.

Бедняк, нашедший золото, жил с тех пор счастливо. Дочь он выдал замуж за хорошего человека и жене не нужно было ткать ковры для чужих людей.

Словарь

Ага – господин, уважаемый. Употребляется при обращении к старшим.

Азан – призыв к молитве.

Аламанщик – бандит, участник разбойничьей шайки.

Алдаркосе – буквально: Алдар – обманщик, косе – безбородый, хитрый.

Амбал – грузчик.

Ата – отец.

Бай – богач, кулак.

Батман – мера веса. В разных районах колеблется от 20 до 40 кг.

Батыр – силач, богатырь, храбрый воин.

Бахши – певец-музыкант, сказитель-импровизатор.

Бисмилла – мусульманское восклицание: «Во имя аллаха».

Борык – головной убор замужней женщины.

Векили – доверенные, сваты.

Визирь – ближайший советник государя.

Гелин – невестка, молодая женщина.

Гурии – согласно мусульманской религии, девы, обитающие в раю и предназначенные для услады праведников.

Дестан – сказание, поэма на лирико-эпическую тему.

Джины – злые духи.

Дутар – двухструнный музыкальный инструмент.

Дэв (див) – бес, демон, циклоп.

Ёлбарс – тигр.

Ишан – духовное лицо у мусульман.

Кази (казий) – духовный судья у мусульман.

Калым – выкуп за невесту, ее цена, вносимая либо женихом, либо его родственниками. В наши дни запрещен законом.

Кала – крепость.

Камча – плеть.

Капыр (кяфыр) – неверный, иноверец.

Кемине – литературный псевдоним поэта Мамедвели (род. в 70-х гг. XVIII в. – умер в 1840 г.). Документальных данных о его жизни не сохранилось.

Кибитка – переносное жильё у туркмен-кочевников, войлочный шатёр, юрта.

Коран – книга, считающаяся у мусульман священной.

Кран – металлическая монета.

Кумган – металлический сосуд для воды, вроде кувшина.

Курбанлык – мусульманский праздник с жертвоприношением животных, обычно баранов.

Кяды – тыква. Пустотелая и высушенная, она ранее использовалась в качестве сосуда для воды.

Мазар – гробница, могила.

Маиса – зеленые стебли зерновых культур, зелена.

Мары (Мерв) – город, ныне областной центр Туркменистана.

Мектеб (мекдеп) – ранее начальная мусульманская школа. В настоящее время всякая общеобразовательная школа.

Мечеть – мусульманская церковь, где совершается богослужение.

Мирали – Алишер Навои (1441-1501) – великий узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель.

Молла (мулла) – мусульманское духовное лицо; иногда обозначает учителя или просто грамотного человека.

Намаз – молитва, совершаемая пять раз в день. Последний намаз – вечером, после захода солнца.

Окара – небольшая деревянная миска, которой в быту пользовались, как мерой сыпучих тел.

Падишах (шах) – государь.
Пальван – богатырь, силач.
Пир – духовный наставник, священник, руководитель общины верующих мусульман.

Салам-алейкум – здравствуйте.
Сачак – обеденная скатерть.
Сопи – ученик духовной школы при мечети.
Султан – государь.

Тагсыр (таксыр) – господин. Служит обращением к духовным лицам.

Тагма – железное клеймо, тавро. Обычно служит для пометки скота.

Таньга – металлическая монета.

Текинцы – одно из туркменских племён.

Тельпек – большая шапка из овчины с длинной шерстью и мехом на верх.

Той – праздник, пиршество, свадьба.

Тюйдук – пастушья свирель из тростника.

Тюмен (тумен, туман) – десять тысяч; чаще крупная сумма.

Тюйнок – круглое отверстие в крыше кибитки, дымоход.

Хан - государь. Иногда ласкательное слово при обращении к младшим.

Хива - столица ханства. Ныне районный центр Хорезмской области Узбекистана.

Хорасан - область, включавшая в себя современные Иран и Афганистан.

Хум - большой глиняный кувшин для жидкостей: воды, масла и т. п.

Хурджум - переметная сума, чаще всего ковровая, или вытканная из шерсти.

Худжре - жилище учеников духовной школы при мечети. Род кельи.

Хушьюр - обязательная дань мусульманской церкви от каждой семьи религиозной общины.

Чал - прохладительный напиток из верблюжьего молока, подобный кумысу.

Чарыки - кожаная обувь, похожая на глубокие галоши.

Челек - небольшой, плоский бочонок для воды.

Чилим - прибор для курения, род кальяна, изготовляемого из оболочки водяного ореха - чилима, а также вообще курение.

Шурпа - бульон с мясом.

Эдже - мать.

Эртеки - народные сказки.

Ясаул - стражник.

Яшулы - уважаемый. Применяется при обращении к старшим.

Яшмак - платок, которым женщина закрывает рот и часть лица при разговоре со старшими мужчинами.

notes

Примечания

1

Непонятные читателям слова объясняются в алфавитном словаре, помещенном в конце книги (*прим. ред.*)